

Всем смертям назло: Записки фронтового летчика

Лобанов Лев Захарович

[1] Так обозначены страницы. Номер страницы предшествует странице.

Лобанов Л. З. Всем смертям назло. Записки фронтового летчика. — Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1985. — 80 с. / Литературная обработка С. Глухова. // Тираж 5000 экз. Цена 30 коп.

Аннотация издательства: Автор, бывший военный летчик-фронтовик, рассказывает о высоких морально-боевых качествах, проявленных советскими авиаторами в годы Великой Отечественной войны.

Автор: Перед вами — записки фронтового летчика, рассказы об отдельных боевых вылетах, о случаях, глубоко врезавшихся в память своей необычностью или яростным накалом проведенного сражения.

У нас мало опубликовано воспоминаний о боевой работе летчиков-истребителей на самолетах И-16 в первые, самые трудные месяцы войны. Из тех, кто дрался с фашистскими армадами на И-16 в сорок первом году, теперь почти никого не осталось в живых... И, пожалуй, совсем ничего не написано о боевых делах ночных разведчиков-бомбардировщиков, летавших на самолетах Р-5. А ведь полк, на вооружении которого находились эти самолеты, был по своим задачам единственный, уникальный...

Вот я и попытался хотя бы частично восполнить этот пробел.

Всем смертям назло: Записки фронтового летчика

От автора

Инструктор

Первый бой

На грани возможного

Подвиг Виктора Крючко

«Розовая» женщина
«Приблудыш» Бейсимбаев
Последний
Время звездных дождей
Мустафа
Русский сувенир
В распутицу
Вынужденная посадка
Цена ошибки
Подарки
Сильва
Ольгины «подснежники»
Охота за «невидимками»
Туман
Всем смертям назло

От автора

Наверное, это и можно считать счастьем: тридцать лет своей жизни я отдал небу, был летчиком — гражданским, военным и снова гражданским. До войны летал на планерах, прыгал с парашютом, работал линейным пилотом гражданского воздушного флота, днем и ночью развозя пассажиров, почту и грузы. Затем в Батайской военной авиашколе, будучи инструктором, готовил летчиков-истребителей на самолете И-16. На Южном, Сталинградском, Юго-Западном и 3-м Украинском фронтах прошел всю Великую Отечественную войну.

Дрался с «мессерами» и «юнкерсами», бомбил вражеские аэродромы, вокзалы, эшелоны на железнодорожных путях, нефтепромыслы. По ночам пробивался к целям, недоступным дневной авиации, провел над территорией противника не одну сотню часов. Сбивал сам, сбивали меня... После ранения в воздушном бою в конце 1941 года не мог летать целых восемь месяцев. Служил это время в пехоте, в стрелковом полку на Воронежском фронте — командовал взводом, ротой, замещал погибшего в бою комбата.

В августе сорок второго полетел снова, но уже не на истребителе, а на знакомом по ГВФ и родном мне самолете Р-5 — ночном разведчике-бомбардировщике. На одном из прифронтовых аэродромов был принят в партию. Перед концом войны пересел на пикирующий бомбардировщик Пе-2, на котором и встретил День Победы.

Окончилась война. Осуществил давнюю свою мечту — перебрался жить и работать на Дальний [4] Восток. Я снова за штурвалом гражданских воздушных кораблей — Си-47, Ли-2, работал на гидролодке «Каталина», освоил отечественные Ил-12 и Ил-14 в Хабаровском авиаотряде. Берега Берингова и Охотского морей стали близки мне, как некогда берега Балтики, Черного моря и Каспия... Лучшего края, чем Дальний Восток, не могу представить!

Перед вами — записки фронтового летчика, рассказы об отдельных боевых вылетах, о случаях, глубоко врезавшихся в память своей необычностью или яростным накалом проведенного сражения.

У нас мало опубликовано воспоминаний о боевой работе летчиков-истребителей на самолетах И-16 в первые, самые трудные месяцы войны. Из тех, кто дрался с фашистскими армадами на И-16 в сорок первом году, теперь почти никого не осталось в живых... И, пожалуй, совсем ничего не написано о боевых делах ночных разведчиков-бомбардировщиков, летавших на самолетах Р-5. А ведь полк, на вооружении которого находились эти самолеты, был по своим задачам единственный, уникальный...

Вот я и попытался хотя бы частично восполнить этот пробел. [5]

Инструктор

Знакомство наше состоялось в кабинете командира учебной эскадрильи капитана Ковалева. Рослый, с могучей грудью и несколько смешливым выражением лица, он мне сразу понравился, и я почему-то решил, что служить под его началом будет легко и просто. Комэск раскрыл мое личное дело, бросил взгляд на фотографию — еще в форме пилота гражданского воздушного флота. Теперь же, после того, как в апреле 1940 года я был призван в армию и направлен в эту Батайскую авиашколу для переучивания на истребителя, на мне было обмундирование военного летчика: шелковая белоснежная рубашка с черным галстуком, темно-синий френч с фигурными накладными карманами по бокам и на груди, брюки-бриджи сугубо авиационного покроя, хромовые сапоги, тоже нестандартного фасона, и синяя пилотка.

— «Летает на самолетах У-2, Р-5, Сталь-3 и К-5...» Когда только успел за свои двадцать три года! — хмыкнул Ковалев, читая вслух мою последнюю характеристику из отряда ГВФ. — «Имеет налет 4100 часов, из них...» Ну, конечно, это машинистка ошиблась, пристукнула лишний нолик, ведь у всей нашей эскадрильи не наберется такого налета, — комэск вопрошающе переглянулся со стоящим рядом старшим лейтенантом Гановым, командиром звена.

Этот, в противоположность Ковалеву, невысок, суховат и подвижен. Вот именно таким мне представлялся всегда летчик-истребитель — маленьким, быстрым, остроглазым, под стать своей юркой машине...

Высказаться Ганов не успел — я достал из планшета свою летную книжку:

— Товарищ капитан, машинистка не виновата, напечатано [6] верно. Здесь записано все, до последней минуты.

— Но ведь для этого вам надо было налетывать по тысяче часов в год, — Ковалев недоверчиво покрутил в руках книжку и продолжил: — «Из них ночью 715 часов...» Слышишь, Ганов, он еще и ночью летает! Что тут еще записано о ваших геройствах: «Увлекается спортом, имеет первый разряд по боксу и планеризму, выполнил тридцать прыжков с парашютом».

Ковалев вдруг улыбнулся и отложил папку.

— Слушай, лейтенант, может, поборемся? Покажи, на что способен.

Бороться, точнее, давить руки через стол, было тогда повальным увлечением, «давили» все — от школьников до седобородых профессоров. Я молча занял исходную позицию. Ганов следил за нашими приготовлениями с явным любопытством. Ладонь у Ковалева оказалась твердая, крепкая. Ну что ж, борьба есть борьба, и я, напрягшись, стал медленно пережимать его руку... Комэск, нахмурившись, предложил поменяться руками. Но я вновь припечатал к столу его левую.

— Молодец, лейтенант, — он отбросил волосы со вспотевшего лба. — Рад, что будешь служить в моей эскадрилье. Завтра же приступаем к полетам.

До распределения по эскадрильям мы уже успели изучить самолет И-16 — по тому времени лучший советский истребитель. Поверхность плоскостей и фюзеляжа «зализана» до зеркальности, положенные на крыло шлем или перчатки скатывались оттуда. Сзади летчика надежно заслоняла бронеспинка, спереди прикрывал широкий тысячесильный мотор, в свою очередь защищенный металлическим винтом. Словом, И-16 по своим боевым качествам не уступал иностранным истребителям. Отсутствие на нем пушки компенсировалось невероятно высокой скорострельностью двух пулеметов и четырьмя реактивными снарядами РС, подвешенными под крыльями, а несколько меньшая (по сравнению с «Мессершмиттом-109Е») скорость восполнялась

необычайной маневренностью. Впрочем, в пилотировании машина отличалась чрезвычайной «строгостью» — ошибок не прощала.

Первый полет получился у меня не совсем чисто: едва взял управление — чуть не перевернул машину вверх колесами. Черт возьми, норовистой лошадкой оказался этот «ишачок»! Обкатал: после трех кругов все вошло в норму. Более того, оказалось, что пилотировать И-16 много легче, чем привычные мне в ГВФ транспортные машины. [7]

Наконец Ковалев решил потренировать меня в ведении воздушного боя. Сошлись мы на высоте трех тысяч метров. Я уже прекрасно чувствовал машину, управлял легко, без напряжения. Вначале «дрались» на виражах. Как ни старался Ковалев подобраться к моему самолету сзади, ничего у него не получилось, я не подпускал. Несколько раз мне самому представлялась возможность «поразить» его, но я так и не решился нажать гашетку кинопулемета. Как-то неудобным показалось вот так, сразу в первом бою «зажимать» командира.

Такая уступчивость обошлась мне дорого. Ковалев внезапно бросил машину в поворот и, вывернувшись из него боевым разворотом, «присосался» к моему хвосту, не отставая до посадки. Да, палец в рот комэску не клади... Я разозлился на себя за допущенную оплошность, за благодушие. Все: отныне никому и никаких поддавок, кто бы ни оказался моим «противником».

Зачетный бой на звание летчика-инструктора также проводил Ковалев. В этом поединке я решил окончательно проверить себя, выяснить, что умею, а чему еще следует поучиться.

Вошли в вираж. Не закончив и первого оборота, я очень резко, совсем не по уставному, просто молниеносно переложил машину в обратный вираж. Ковалев оказался на встречном курсе всего в десятке метров. Я завалил предельно крутой крен и вышел точно в хвост. Огонь! Огонь! — беспощадно прощелкал затвор кинокамеры.

По программе полета после атаки экзаменуемый должен показать умение выходить из угрожающего положения. Мы снова сошлись в глубоком вираже. Я подпускал «противника» все ближе и ближе. Лишь после критического, самого последнего момента мне следовало, по условиям задания, попытаться уйти от опасности... И здесь вспомнился рассказ одного летчика, участника боев в Испании, о том, как удалось ему однажды перехитрить фашистского истребителя. Этот прием я и решил использовать.

Ковалев, догоняя, склонился к прицелу. Вот-вот откроет «огонь». Пора! Я резко убрал газ — мой самолет будто остановился. Комэск, никак не ожидавший такого маневра, пронесся мимо. Мы поменялись местами: теперь я, насев сзади на соперника, с какой-то мстительной злостью нажимал и нажимал гашетку своего кинопулемета. [8]

От разбора зачетного полета я не ожидал ничего хорошего: дважды «загнал в бутылку» своего командира эскадрильи, да еще на глазах Ганова и самого начальника авиашколы... «Будь что будет, — невесело вылезал я из кабины, — в конце концов мы тут не политес разводим, а готовимся к настоящим боям».

Подошел Ковалев, принялся разглядывать меня, будто впервые увидел.

— М-да, лейтенант... Летаю я давно, дело свое, считается, знаю. А вы, истребитель без году неделя, что из меня сделали? Отбивную котлету. Выходит, ваш четырехтысячный налет на гражданке не пропал даром.

Говорил он негромко, как бы разговаривая вслух сам с собой. Я боялся поднять глаза, не зная, куда клонит комэск.

— Ну, в общем, принимай, лейтенант, группу курсантов и начинай работать. Мы тобой довольны. Только смотри не зазнавайся, мы этого не любим. Верно, Ганов?

— Так точно, не любим! — в тон ему отозвался командир звена.

Первый бой

В ту субботу до обеда я летал с курсантами, а после «тихого часа» вместе со своим «стахановским» звеном, непременно побеждавшим во всех спортивных соревнованиях, «выжимал пот» на турнике и брусьях. Вечером в клубе показывали цветную американскую киноленту «Кукарача» и мультфильм «Три поросенка и злой волк». Досыта насмеявшись, в одиннадцатом часу разошлись отдыхать.

А ранним воскресным утром 22 июня, поднятые по тревоге, мы узнали на общем построении о начале войны с фашистской Германией.

Аэродром загудел, словно потревоженный улей. Готовили самолеты к бою. В штабе работала комиссия, комплектуя летчиков и механиков в боевые девятки — эскадрильи. Меня оставили командиром своего звена — с летчиками Савковым и Щербаковым.

В конце дня добрались ко мне из Ростова родные. Мать и сестра Зоя переживали, узнав о назначении в действующую армию, отец крепился: «Если не мы, то кто [9] же?» На прощание вручил потемневший от времени серебряный портсигар с рубиновой звездочкой на крышке, полученный в 1921 году за участие в разгроме колчаковских банд от самого Ворошилова. Под дарственной надписью Климента Ефремовича «Солдату Революции Лобанову Захару Васильевичу» отец нацарапал свою: «Сын, не посрами отца. 22.6.1941».

Мы срочно перебазировались на один из аэродромов севернее Одессы. Летное поле — плотный выгон, обрамленный лесочком, который хорошо маскировал наши выкрашенные в зеленый цвет машины. Рядом речка Усачевка. На ее берегу деревенька Покатное, где и расположился наш полк вместе с батальоном аэродромного обслуживания.

Все полетные карты — без единой пометки. Маршруты, курсовые углы, расстояния и прочие обозначения, обязательные до войны на любой маршрутной карте, теперь наносить запрещено, все это следует держать в памяти. Развернули полковую радиостанцию для связи со штабом соединения. Место расположения дивизии никто не знает, свои координаты по радио оттуда не сообщают. Полк получал самые разноречивые сведения о расположении наших и вражеских частей. Четкой линии фронта, похоже, нет. В небе днем и ночью гудели немецкие самолеты, но ни одного нашего в воздухе мы пока не видели.

На четвертый день войны все двадцать семь машин полка поднялись в первый боевой вылет. Из дивизии сообщили, что в нашем направлении идет группа бомбардировщиков Ю-87. С ведущим — командиром полка Локтевым мы устремились на сближение с противником.

«Юнкерсы», штук тридцать, двигались слитной массой, а вокруг, не соблюдая строя, роем кружились «Мессершмитты-109Е», истребители. Каждая их пара не была жестко связана, ведомый пилотировал возле ведущего совершенно свободно, переходя с борта на борт, отставая или оказываясь впереди. Такое поведение немцев было для нас непонятным, ведь наш Боевой устав предписывал драться только в плотном строю.

Мы подходили со стороны солнца, врага увидели первыми и вовремя успели перестроиться в боевые порядки. Но тут и немцы заметили нас, заметались вокруг бомбовозов. Вот и встретились. Через минуту — бой. Озадачивало «нестандартное» поведение «мессеров», настораживало их большое количество: за первой группой из-за горизонта [10] выплывала еще одна, такая же многочисленная.

Тревожила неопределенность: с кем начинать драку? «Мессеры» растекались, словно песок сквозь пальцы. Вот только что впереди сошлись четверо, я изготовился было броситься к ним, но они брызнули в стороны, расходясь, и снова стало непонятно, кого же атаковать. Что это — хитрость или их обычная манера начинать бой таким

непривычным для нас образом? А может, это их первая встреча с русскими и они просто знакомятся с нами, изучают выдержку и крепость нервов...

Одновременно с этими размышлениями нарастал азарт, мысли о возможной гибели не приходили в голову. Мы жили еще школьными представлениями о бое. Не доходило главное: теперь по нам будут бить не из кинопулеметов — из настоящего боевого оружия, теперь побежденного будет ждать не нагоняй на разборе полетов, а самая настоящая смерть.

Немцы разделились. Одни резко ушли вверх, а другие, отойдя чуть в сторону, нырнули к земле. В глазах зарябило от множества крестов на крыльях. Стало ясно, что нас хотят взять в «клещи», атаковать сразу с нескольких направлений. Качнув крыльями, командир эскадрильи подал команду: «Действовать звеньями самостоятельно!» Едва успел я перестроить звено в правый пеленг и войти в глубокий вираж — на нас обрушился огонь.

Немцы атаковали, двигаясь встречным виражом. Верхние снижались, а те, что были внизу, постепенно поднимались до нашей высоты. Самолеты моего звена образовали замкнутое кольцо, что давало нам возможность видеть друг друга и прикрывать товарища со стороны хвоста. И вот мы уже сами оказались в сплошном замкнутом кольце примерно из двенадцати «мессеров». Сверху падают еще две пары, поливая свинцом наши машины. Только бешеное вращение по кругу спасает от попаданий. Тело наливается чугуном тяжестью, с усилием держу глаза открытыми — на веки словно гири подвесили, вокруг мелькают красные искорки и оранжевые круги.

Мы не сделали еще ни одного выстрела — сейчас это бесполезно. «А что, если резко выйти из виража и самим в лоб атаковать «мессеров»? Вот только бы те, что клюют сверху, не успели подловить нас в момент атаки... Ну, попытка не пытка». Рывком, неожиданно для немцев, вывожу звено из виража. Вражеские истребители оказываются прямо перед нами, почти в лоб. Ближний, стремительно надвигаясь, заполняет сетку прицела — и проскакивает [11] мимо, уже разваливаясь на куски от залповых очередей моих пулеметов. Следом, петляя, повалился вниз еще один «мессер».

Хотелось воскликнуть от распиравшего душу восторга: ура, я сбил противника! Я правильно рассчитал маневр и этим помог кому-то из моих ведомых расстрелять второго гитлеровца. Секунду, не более, длилась радость. Но в эту секунду решилась судьба Лени Савкова. Сверху на нас спикировали две пары «мессеров», уходя от них, я бросил машину на крыло вправо, Щербаков рванулся за мной, а Савков на входе в скольжение попал в траассы пулеметов и пушек.

Все произошло моментально: и наша атака, и гибель двух немцев, и взрыв машины Савкова.

Стало окончательно ясно, что наша уставная тактика боя в плотном строю звена никуда не годится. Имей Савков возможность действовать самостоятельно, не будучи привязанным к строю звена, он, мастер пилотажа, ни в коем случае не допустил бы, чтобы по нему вели прицельный огонь! Отвесно падая в глубоком скольжении, я успел взвесить все «за» и «против» решения «отвязать» от себя Щербакова и работать с ним свободной парой.

У самой земли немцы нас потеряли. Я вывел машину в горизонтальный полет, подал условный знак: «Действуй самостоятельно!» Щербаков — как ждал этого — резко взмыл, перешел с борта на борт, развернулся, прошелся где-то позади и снова пристроился справа от меня, подняв руку с оттопыренным большим пальцем, дескать, так и надо, командир!

И тут же мы заметили низко идущий И-16. Он покачивался, иногда поднимался метров до ста, а затем снова как-то неуверенно и вяло опускался к земле. Это была

«восьмерка» Ивана Винокурова. На самолете поврежден фонарь, изорвана обшивка хвостового оперения. Иван ранен. Голова склонилась, разбитые очки болтались на резинке позади шлема. Иногда он медленно поднимал голову, на секунду-другую выравнивал машину.

Мы над нашей территорией, до аэродрома километров сорок, ему надо срочно садиться, он же ранен, да и машина подбита. Но как подсказать ему это, как? Вновь недобрым словом помянул я тех, кто до войны не удосужился оборудовать наши машины радиосвязью, твердя, что рация на истребителе станет только помехой, будет якобы снижать в бою инициативу летчика, ожидающего подсказки каждому своему действию... [12]

Мы с Щербаковым прижались вплотную к самолету Винокурова, попытались показать руками: «Садись, садись немедленно — прикроем!» Иван то ли не видел нас, то ли не понял наших сигналов. Машина его круто задралась, потеряла скорость и сорвалась в штопор. Вскинулись на месте падения бледные язычки огня, и ветерок закрутил над землей еще один шлейф черного дыма...

Качнув крыльями над местом гибели нашего друга, мы развернулись, заметив впереди по курсу выходящую из пике, пару «мессеров». На форсаже свечой бросаемся туда. Поймав прицелом вражескую машину и взяв упреждение на ракурсе, я с дистанции метров в двести открываю огонь. От машины Щербакова тоже потянулись трассы пуль и реактивных снарядов. Сверкнули почти одновременно два взрыва, и я увидел, как оба «мессера», густо дымя и разваливаясь на куски металла, падали на землю.

Внизу по всей видимой площади дымили костры сбитых самолетов. Сколько и чьих — сказать трудно. С кружащими в стороне «юнкерсами» вела бой вторая эскадрилья. Там, где дралась третья, все перемешалось: наши истребители и «мессеры» сбились в сплошную кучу, пронизанную дымной паутиной огневых трасс. Бросились на помощь, но тут «мессеры» прекратили огонь, развернулись, как по команде, на запад. В чем дело? Ах да, бензин у нас тоже на исходе — время уходить домой.

Мы летели с Щербаковым навстречу яростному летнему солнцу. Под безоблачным небом весь видимый мир дышал тишиной и покоем. Не верилось, что совсем недавно я был в жестоком бою, который видится сейчас нереальным, мучительным кошмаром, что я стрелял и сбивал, что стреляли в меня, пытаюсь сбить, что на моих глазах погибли Савков и Винокуров. Прошедший вылет казался чуть ли не половиной прожитой жизни. Отныне все разделилось на то, что было до боя, и на то, что будет после него.

На грани возможного

Та самая первая встреча с врагом прошла не совсем так, как представлялось накануне. Немцев было слишком много. И истребителей, и бомбардировщиков. [13] Против каждого из нас оказывалось по шесть — восемь, а то и до десяти «мессершмиттов».

Еще на сближении — чего скрывать — в душе шевельнулся страх, обычный человеческий страх. Липкой паутиной расплзался он по телу, сводил пальцы ног, туманил голову. Хотелось съежиться, стать маленьким-маленьким, незаметным муравьем или песчинкой... Но тут мелькнуло в памяти: «На миру и смерть красна», и сразу успокоился. Чему быть, того не миновать. Черт с ними, что их так много! Раз много, значит, бояться выйти малым числом. Так что еще посмотрим, кто чего стоит!

Вернулись после того боя своим ходом всего восемь машин. Двое, Добров и Ветлугин, добрались до аэродрома к вечеру, они спаслись на парашютах. Остальные семнадцать наших товарищей погибли. Немцы потеряли более двадцати истребителей и шесть бомбардировщиков.

Главное, что стало понятно: бой требует не «сверхчистого» пилотирования, к которому мы стремились в авиашколе, а мгновенной реакции на конкретную сиюминутную обстановку и резкого, близкого к рывкам, маневрирования. Именно такого, за которое меня в школе частенько упрекали. Плохо, что нет у нас радио, у немцев рация на каждом самолете. И все же бить их можно. Ведь в конечном счете дерутся не машины — люди. А наши летчики в том первом бою выглядели много лучше — мужественней, отважней, квалифицированной.

Бои в воздухе оказались для немцев совсем непонятными. Русских не смущало и не приводило в панику многократное численное преимущество гитлеровцев, как то было, к примеру, во Франции или Польше. Советский истребитель И-16 оказался крепким орешком. Да что самолеты! Красные летчики, о которых в Германии говорили, как о лохматых медведях с заплывшими от пьянства глазами, почему-то не разбегались при одном взгляде на немецкий самолет. Какой легкой и веселой виделась им эта прогулка на Восток, и какой жестокой оказалась действительность...

Закончилось лето. Мы многому научились за эти первые месяцы войны, многое пережили. Отчаянно дрались — в любой схватке немцы несли потери, но противника было много больше. Пустели наши стоянки. После очередного вылета подолгу вглядывались в горизонт механики не вернувшихся из боя машин. Проходили все сроки возвращения, а механики не покидали аэродрома, с тоской и болью в глазах всматриваясь в равнодушную [14] синеву неба. За два месяца боев полк понес огромные потери. Из самых первых летчиков осталось нас всего четыре командира звена и командир полка.

Все реже поступало пополнение. Вместо инструкторов теперь прибывали сержанты, недавние выпускники училищ. Молодых следовало бы потренировать в боевом пилотировании, однако времени и условий для этого не было: каждый вылет оканчивался неравной схваткой. Дорого немцам обходились победы, но нам от этого легче не становилось.

В середине сентября 1941 года нам поручили охрану Батайска — крупного стратегического узла на левом берегу Дона. Именно на этой станции сходились эшелоны с резервами, вооружением и горючим, поступавшими для фронта. К городу рвались группы «юнкерсов» и «хенкелей», окруженные роями истребителей сопровождения, и нам приходилось подниматься в воздух по несколько раз в день.

В то утро появление вражеских самолетов обнаружили своевременно, и полк получил приказ на вылет всем наличным составом. Короткая предполетная суэта, зеленая ракета с командного пункта — и тридцать машин свободными парами поднялись в воздух.

Бой вспыхнул сразу в нескольких местах. Мое звено облепили «мессеры», и мы крутимся в глубоком вираже, не давая врагу вести прицельный огонь. Понемногу, рывками подтягиваемся к другому нашему звену, чтобы образовать с ним общий оборонительный круг. Действовать более активно я пока не рискнул — слишком много вокруг немцев, слишком молоды и неопытны мои ведомые — сержанты Яша Булыгин и Виктор Крючко.

Нас непрерывно атакуют сверху и снизу. Мне приходится все время резко менять радиус виража, то увеличивая, то уменьшая скорость вращения. В один из таких моментов Яша, выполнявший свой первый боевой вылет, «зевнул» и выскочил в сторону. На него тотчас набросились две пары «мессеров», но он, как рассказывал позже, вспомнил одну из моих рекомендаций: несколько секунд шел по прямой в горизонтальном скольжении на крыло. Попасть в самолет при таком маневре, даже с небольшой дистанции, практически невозможно. Булыгин вклинился в круг звена Щербакова и оставался с ними до конца схватки.

Виктор Крючко успел уже за короткое время провести несколько боев, в которых сбил «мессершмитт» и [15] «Юнкерс-87». Он отлично пилотировал, метко стрелял, был бесстрашен и ловок. С таким напарником можно было решиться на атаку, следовало только поймать подходящий момент. Пытаюсь сам создать нужную ситуацию. Увеличиваю крен. Крючко неотступно следует в вираже справа и чуть-чуть сзади, точно повторяя мои эволюции. Кажется, он понял замысел. Тяжело, страшно тяжело: давит чудовищная перегрузка, темнеет в глазах, машина вздрагивает от напряжения, готовая сорваться в штопор.

Немцы, не понимая нашего маневра, засуетились и даже прекратили огонь, оторвавшись от прицелов. Вот этот миг: разом кладу машину «на лопатки», перехожу в короткое пикирование на форсаже мотора и тут же левым боевым разворотом впиваюсь в хвост ближнего «мессера». Краем глаза вижу словно приклеенную ко мне машину Виктора — молодец! «Мессер» впереди и немного ниже. Ловлю его горбатый силуэт в сетку прицела. Дистанция — не более пятидесяти метров. Жму гашетку. Промаха быть не могло: с оторванным крылом, окутавшись копотью, раскручиваясь, гитлеровец рухнул вниз.

В ту же секунду воздух над фонарем прострочила пушечная трасса. Ее красные шарики прошли так близко, что мне даже послышался тонкий свист пролетающего снаряда. Оглядываюсь, бросаясь в сторону: подкарауливший меня немец бьет издалека, метров с четырехсот, приткнувшись к прицелу, — и не замечает, как выскакивает сбоку машина Крючко. В упор всаживает Виктор длинную пулеметную очередь из обоих «шкасов». Немец перевернулся, густо задымил и, кувыркаясь, отправился к земле...

Уже сорок минут кипит небо. На всех высотах до пяти тысяч метров ревут моторы, грохочут пушки и пулеметы, неудержимо несутся к целям наши реактивные снаряды. Нам приходится трудно, очень трудно — численный перевес на стороне немцев. Напарника я потерял, врезавшись в одном из боевых маневров в небольшое кучевое облачко, висевшее над полем боя. Выскочил — нестерпимо ярко брызнуло в глаза солнце, и я поздно разглядел торопящихся ко мне четырех немцев. Уходить бесполезно: скорость у них больше, догонят. Позвать на помощь? Без радио не позовешь. Спикировать? Тоже достанут, машины у них тяжелые. Значит — конец?!

Откуда-то из глубины сознания обжигающей струей вдруг пробилась эта предательская мысль. До мельчайших подробностей вспомнилось потом, о чем думал, что [16] делал, когда самолеты врага зажимали в железные «клещи» и казалось, что нет никакой возможности вырваться из беды, как обостренным зрением различал на бледной синеве неба отсвет трассирующих пуль, как отдавались в висках одновременно и тяжелые удары собственного сердца, и глухой стук рвущихся снарядов. Но где-то в глубине души нашлись силы, которые поднялись над оупляющим отчаянием, над бессилием обреченности — и разорвались тиски оцепенения и страха. Пронизанный одним желанием, одной страстью победить во что бы то ни стало, разум отыскал решение — единственно правильное и спасительное.

Игра со смертью началась. «Мессеры» находились совсем близко. Почувствовал: вот-вот полоснут огнем. Резкий бросок влево и вверх. Они проскакивают мимо, не успевая повторить такой крутой маневр, слишком велика инерция их машин. Сделали круг и снова ко мне. Еще броски — с набором высоты, в разные стороны, на встречных с ними курсах. Им каждый раз приходится выполнять для нового захода почти полный круг, а я за это время успеваю подниматься все выше и выше — вниз уходить одному нельзя, там подошла новая группа немецких истребителей.

Таковыми бросками я затащил своих преследователей уже за пять тысяч метров. Жалит мысль: «Четверо против одного... Без напарника сожрут, если отступить... Надо поймать момент, хоть одного гада подловить в прицеле... Обязательно надо!»

На большой высоте, где острее ощущается нехватка кислорода, прыткости у немцев поубавилось. Я же чувствовал себя отлично, мысленно благодаря нашего школьного физрука Шварца, который делал из нас в спортзале, по его выражению, настоящих мужчин.

Есть, самый настырный, очевидно старший среди четверки, попался. На гашетки: огонь! огонь! «Мессер» дернулся, нехотя свалился на крыло, траурно задымив черным закрученным шлейфом.

Где остальные? Успели окружить. Тот, что позади, сейчас начнет стрелять. Резко кидаю машину вниз, мотору даю форсаж — и тут же «горка», носом в небо. В глазах потемнело от перегрузки. Немец проскочил, оказался впереди, заполнил сетку моего прицела. Огонь! «Мессершмитт» вспыхнул факелом.

Оставшаяся пара ухнула, как в прорубь, вниз, и я остался один. [17]

На стоянке я с трудом выбрался из самолета, ступил на траву — ноги подкосились...

Мы уставали. Нас шатало ветром. Мы забывали, что кроме воздушного боя есть какая-то иная жизнь. Мы постоянно были свидетелями гибели товарищей и потеряли способность изумляться своему возвращению из боя живыми и невредимыми вопреки здравому смыслу и элементарному подсчету соотношения наших и вражеских сил, вопреки всяким теориям вероятности и невероятности.

Пролетела еще одна фронтовая ночь, и народившийся день вновь звал нас в полет, в бой, в новые смертельные схватки...

Подвиг Виктора Крючко

К нам на аэродром завернула бригада фронтовой кинохроники на двух полуторках-фургонах, оборудованных под фотолаборатории. Они снимали наши взлеты и возвращения, летчиков и механиков. Не могли только заснять настоящий, как они говорили, «в натуре» воздушный бой. Их командир, молодой лейтенант, даже просил свозить его в боевой вылет на нашей УТИ-4 — двухместной учебной «спарке», но этого, конечно, никто не разрешил: учитывая возможность встречи с воздушным противником, было бы безумием выпустить безоружный самолет, подвергая смертельной опасности летчика и кинооператора.

Однако заснять схватку с немецкими истребителями им все-таки удалось. И после этого, неожиданно для себя, я убедился, как по-разному видится воздушный бой его участникам и наземным наблюдателям.

Со своим напарником сержантом Виктором Крючко я возвращался домой после штурмовки вражеской колонны между Таганрогом и Ростовом. Вылетали мы с парами Щербакова и Тихонова. Над целью на нас навалились «мессеры», пришлось принять бой. Держаться вместе не удалось, на каждого приходилось по две-три пары самолетов противника, и нам оставалось только обороняться — горючее и боекомплекты почти полностью оказались израсходованными при штурмовке. Покрутившись в глубоком вираже, мы с Виктором свалили машины в штопор, [18] вышли из него у самой земли и, оторвавшись от немцев, на малой высоте пошли к себе.

Показался наш аэродром у подножия пологого холма на краю густой рощи. Погода ясная, в небе — ни одного самолета. Еще минута-другая, и можно выпускать шасси. Поднялись до двухсот метров, повернулись для захода на посадку без круга, прямо с курса. И вдруг впереди, совсем рядом, продымили несколько пулеметных трасс. Сверху. Со стороны солнца. Кто это? Сколько их? Где они? Мгновенно бросился влево и увидел: три пары «мессеров», обстрелявшие нас, плотным — крыло в крыло — развернутым фронтом выходят из пикирования.

Положение — хуже губернаторского... У нас ни бензина, ни боеприпасов — лишь неприкосновенный запас того и другого. Теперь все решит выдержка. Отвернешь — тотчас раскаленным кинжалом вонзятся в самолет свинцовые струи. Рывком выхожу строго навстречу немцам, лоб в лоб. Крючко — справа рядом.

Дистанция стремительно сокращается. «Мессер», идущий в центре, занервничав, открыл огонь. При виде чужих машин, ошетилившихся черными стволами, становится жутко. Но сворачивать нельзя. Свернешь — смерть.

Дрогнула стена из «мессеров». Веером рассыпались в стороны фюзеляжи с крестами. Один из фашистов неосмотрительно рванул самолет на вертикаль, показав брюхо в моем прицеле, — в тот же миг от короткой шкассовской очереди он задымил и круто провалился вниз.

«Мессер», оставшийся без напарника, заметался, пытаюсь к кому-нибудь пристроиться. «Зеленый, новичок!» — все свое внимание я сосредоточиваю на нем, бросив машину в поворот и выйдя из полупетли левым боевым разворотом «через плечо». И тут мое правое крыло прошла пулеметная очередь. В следующий миг между мной и тем, который подкрался ко мне, выскочил откуда-то снизу Крючко. Из-под крыла его самолета продымил к немцу реактивный снаряд. «Мессер» вспух взрывом и, раскручивая дымную спираль, повалился на землю. Оставшиеся «мессеры» вскоре тонкими черточками растаяли на горизонте.

На стоянке нас вытащили из кабин, качали, пожимали руки, хлопали по плечам. Оказывается, за боем наблюдал весь полк. Кинооператоры неожиданно-негаданно для себя увидели и засняли настоящий воздушный бой — совсем близко, на малой высоте. Они горячо радовались не только весьма удачной съемке, но также и тому, что [19] бой, как им казалось, закончился так легко и красиво.

Мы же с Виктором едва держались на ногах — столько сил ушло на эту короткую двухминутную схватку, которая показалась нам вечностью.

Операторы закрылись в фургоне и к вечеру успели сделать фильм о нашем бое. Между деревьев натянули маленький экран. На траве расположились все свободные от службы. Табачный дымок расплывался в безмятежно-неподвижном воздухе — даже прерывисто воющий гул немецких ночных бомбовозов не нарушал ощущения тишины. Глухо застучал переносной движок, раздался ровный стрекот портативного кинопроектора.

Ожил экран. Две лобастые черточки наших «ишаков» надвигаются со снижением на зрителей — мы выходим на посадочную прямую. Одновременно из задней сферы показываются над нами остроносые немецкие машины. Они развернутым фронтом переходят в крутое снижение, к вот уже тянутся от них в нашу сторону длинные серебристые нити — «мессеры» открыли огонь.

Я впервые видел себя со стороны. Вот в центре экрана моя машина несется к отбившемуся «мессеру», а в это время сзади, изрыгая частые огоньки короткого пламени из четырех пулеметных стволов, обрушивается на меня в пикировании черный силуэт еще одного вражеского истребителя. Это его трассы хлестнули по крылу моей машины. Какой-то секунды не хватило немцу — выскочил на крутой «горке» мой вездесущий напарник Виктор Крючко, и на месте самолета противника расплылось по экрану черное пятно взрыва...

Дорогой ты мой сержант! Как же вовремя ты пришел на помощь, как четко и точно всадил ты врагу свой последний РС! Жив я сейчас благодаря твоему острому глазу, твердой руке и мужской верности.

Потух экран. Мы долго сидели с Виктором молча. Невольно произвожу мысленный подсчет: сегодня, в свой шестой боевой вылет, Крючко сбил четвертый самолет противника.

Сутки спустя мы снова были в бою. Шестерка наших машин успешно штурмовала вражеский прифронтовой аэродром — на летном поле горели несколько «юнкерсов». Но тут неожиданно прибыли гитлеровские истребители.

Я дрался с двумя парами «мессеров». Вокруг Крючко также крутилась четверка немцев. При необходимости я готов был броситься на выручку. Вот его преследователи [20] разом поднялись вверх и ринулись оттуда на Виктора. Плохо дело! «Надо срочно уходить скоростным переворотом через крыло. Сообразит ли он проделать такой маневр?» Словно прочитав мои мысли, сержант так крутанул машину, так резко изменил направление на обратное с крутым набором высоты в боевом развороте, что немцы на короткое время потеряли его из виду и прекратили огонь. А в следующий миг Крючко, оказавшись над ними, вновь бросил машину в переворот, на выходе из которого в упор выпустил РС в одного из «мессеров». Тот взорвался, остальные шарашнулись в стороны, Виктор же снова пристроился к моему хвосту. Молодец, просто молодец!

На беду подошла новая группа вражеских истребителей. Бегло осмотревшись, я увидел, что все наши шесть краснозвездных машин пока целы, ведут хотя и неравный, но упорный бой — на земле черными столбами догорают несколько подбитых самолетов противника. С подходом свежих «мессеров» обстановка, однако, намного осложнилась. Все небо теперь, казалось, было в крестах, что изображены на тупых крыльях желтобрюхих гитлеровских машин.

Плотный рой, предвкушая легкую победу, резал пространство вокруг меня и Виктора. Несколько верхних немцев, не раздумывая, ринулись на меня сзади. Судорожно бросаю машину по сторонам, не позволяя им точно прицелиться. Но огня они не открывают. Понятно: хотят приблизиться вплотную и бить наверняка. Дистанция неумолимо сокращалась.

Шансов на спасение практически не было. Кольцо сжалось. Их ведущий был рядом. Но в этот самый момент, рывком бросив машину вверх и вправо, выскочил между мной и передним атакующим «мессером» Крючко, подставив себя под таранный удар. «Мессер» врезался в самолет Виктора, взорвался вместе с ним, и, сцепившись крыльями, клубком огня и дыма оба они устремились к земле.

Пользуясь замешательством немцев, в упор длинной очередью я перерезал пополам проходивший поперек моего курса истребитель, разрисованный драконами, свалил свою машину в штопор и, благополучно выйдя из боя, ушел на свой аэродром.

Всем летчикам нашей шестерки, уничтожившей тогда одиннадцать немецких самолетов, удалось вернуться из того боя. Всем, кроме Виктора Крючко... [21]

«Розовая» женщина

Вот уже который раз мои товарищи рассказывают о встречах с каким-то странным «мессером», пилот которого одет в ярко-розовый костюм. Вел себя этот летчик, по их словам, очень странно: во время боя ходил одиночкой, держался в стороне, в драку не вступал и только иногда, улучив подходящий момент, пронесся на большой скорости вблизи наших машин.

Я не очень-то верил этим рассказам — мало ли что привидится в горячке боя. Но вот однажды, в августе сорок первого, мы поднялись в боевой вылет. Удачно атаковали группу бомбардировщиков — две машины подожгли, а потом на нас навалились «мессеры» сопровождения. Общая карусель из шести наших истребителей и двадцати «мессеров» постепенно распалась на несколько дерущихся клубков.

Наконец немцы прекратили атаки и поодиночке начали возвращаться к себе. Однако радость скоро погасла: на смену уходящей подошла свежая стая вражеских истребителей. Обстановка для нас, оставшихся уже втроем, сложилась критическая.

Горючее на исходе, боекомплект израсходован — того и другого только НЗ. На самый крайний случай.

Нужно уходить любым способом, но меня догоняет пара «мессеров». Подпускаю их метров на четыреста, резко бросаюсь в сторону — и тут, пересекая мой курс, промелькнул «мессер», в кабине которого полыхало нечто розовое. Ни удивляться, ни раздумывать над увиденным не было времени. Отовсюду неслись на меня ненавистные остроносые машины, и цепочки дымных трасс все ближе буравили небо вокруг моего одинокого самолета.

Сваливаюсь в скоростной штопор. Пара устремляется следом. Немцы ожидают момента моего выхода из штопора — в те несколько мгновений самолет становится беспомощным и расстреливать его можно, как макет на полигоне.

За преследователями почти не слежу. Сейчас главное — вывести машину из штопора как можно ниже. Только бы не задеть винтом землю... Может, хватит? Стиснул зубы: виток, еще виток... Начал вывод — метрах в ста от меня, не успев выйти из пике, врезаются в [22] землю оба немца, которые слишком увлеклись погоней. Я проскочил над местом их падения, качнув крыльями:

— Вот вам, доблестные вояки люфтваффе!

Не успел облегченно вздохнуть, как внезапно с высоты, полого снижаясь, появился новый «мессер» — одиночка. А у меня в запасе единственный РС да немного патронов — на короткую очередь.

«Мессер» совсем близко. Я делаю небольшие скользящие отвороты, не давая прицелиться. Но стрелять немецкий пилот не стал. Догнал, пристроился к правому крылу. Уравнял скорости. Пошли рядом. Я повернул голову — и от удивления чуть не врезался в землю: летчиком была женщина. Розовый комбинезон, на голове наушники, за ними распущенные по плечам светлые волосы. Ровный ряд зубов приоткрыт в улыбке. Чудеса!

Подошли к аэродрому. Пора выпускать шасси. «Мессер» — рядом, как приклеенный. Стрелка бензомера почти на нуле. Стоит мне выпустить шасси и коснуться земли, эта чертова пилотесса всадит в меня полный заряд своих пулеметов. Сдвинув фонарь кабины, погрозил ей кулаком. Кажется, это было все, что я мог предпринять. Даже отстать и зайти в хвост вражеского самолета не мог — летел на предельно малой скорости. «Розовая» женщина тоже приоткрыла фонарь, помахала мне рукой и круто ушла вверх. Посадочную полосу впереди меня прострочила очередь.

— Ну, держись, стерва белобрысая! — Уже не думая о горячем и боеприпасах, на форсаже свечой бросаюсь за ней.

Сблизившись, с холодным бешенством тщательно загоняю силуэт машины в сетку прицела. Пулеметы выбросили короткую очередь и умолкли. «Мессер» споткнулся в воздухе, застыл на миг неподвижно, переломился пополам — из кабины вывалился розовый комочек и повис под раскрывшимся парашютом...

Несколько дней спустя неподалеку от нашего аэродрома сбили еще одного немецкого летчика. На допросе в штабе его спросили:

— Что за женщина летает у вас в полку? Кто она?

Пленный, которому не сказали, что она попала к нам в руки, ответил, что фрау была инспектором полка по технике пилотирования и что перед ней ставили задачу наблюдать за боем со стороны и предупреждать пилотов по радио о грозящей им опасности. Комбинезон из розового шелка был хорошо виден, и немецкие летчики знали, [23] что за их действиями следит молодая красивая женщина, перед которой должно быть стыдно ударить в грязь лицом...

— Почему вы говорите о ней в прошедшем времени, как о выбывшей из полка?

По словам пленного, недавно она не вернулась из боя, и родителям послали извещение о ее героической гибели. Из-за этой фрау у Гуго Лемма крупные неприятности, ведь ему предписывалось обеспечивать ее безопасность в каждом вылете, потому что женщина в розовом — дочь ближайшего помощника самого Мессершмитта.

— А кто такой этот Гуго Лемм, который, по вашим словам, «рвет» и «мечет»?

Сбитый немец пояснил: штурмфюрер, командир их полка, летающий на самолете, левый борт которого разрисован летящим аистом с мечом в клюве, а на правом четыре негритенка пляшут вокруг колышка с насаженной головой белого человека...

...После возвращения истребителей из очередного боя над нашим аэродромом появился одиночный «мессер». Он вынырнул из-за лесочка, прошел над стоянками, покачал крыльями и, выпустив колеса, стал заходить на посадку. Все бросились к летному полю, подумав, что вражеский истребитель решил перелететь к нам.

Но немец не сел. Пройдя на небольшой высоте над полем, он сбросил выпел — красный цилиндр с заметной оранжевой лентой, убрал шасси и, взмыв метров на шестьсот, начал выжидательными кругами ходить над аэродромом.

В выпеле оказалась записка на русском языке: «Я, командир противостоящего вам полка истребителей люфтваффе, вызываю на рыцарский поединок летчика, если он еще жив, сбившего неделю назад «Мессершмитт-109Е» с пилотом, одетым в розовую, хорошо заметную одежду. Если такового летчика неимеется, я готов померяться силами с любым вашим пилотом, желательно со старшим по званию командиром». Внизу стояла подпись: «Штурмфюрер Гуго Лемм».

Командир полка Леонид Савельевич Локтев, прочитав записку, передал ее нам, шестерым летчикам, только что вернувшимся из боя. Затем распорядился:

— Еськов, остайтесь за меня. Всем готовность номер один. Вылетать только в случае подхода группы противника на помощь этому Лемму, ясно?

Посмотрел на меня, улыбнулся: [24]

— Вообще-то говоря, Лев, он тебя вызывает. Ведь «розовая» женщина — твоя работа. Но не обижайся, пойду я, с тебя хватит и утреннего боя. Повторяю: мне не помогать — с этим гадом и один справлюсь. А то развонят потом, будто мы не признаем рыцарской и воинской чести, будто мы трусы и еще черт знает что.

Майор круто повернулся и заспешил к самолету.

Бегом бросились к своим машинам и мы. Согласно расписанию боевой тревоги номер один запустили моторы, в любой момент готовые на взлет.

Затаив дыхание, следили мы за начавшимся поединком. «Мессер», не подпуская к себе Локтева, поднимался все выше и выше, понемногу оттягиваясь от аэродрома. Чувствовалось, что за всем этим какой-то подвох, но приказ командира есть приказ: вылетать без крайней нужды никто не имел права.

Когда в безбрежном океане голубого неба самолеты стали едва различимы, до нас донеслись приглушенные расстоянием глухие выстрелы «мессера» и четкая сухая скороговорка пулеметов нашего истребителя. Бой начался!

И тут у всех следящих за ним вырвался крик ярости и негодования: из-за леса на большой скорости выскочили более десяти ненавистных остроносых машин и почти вертикально устремились вверх. Туда, где один на один дрались майор Локтев и штурмфюрер Лемм.

Еськов дал сигнал общего взлета. Мы поднялись в воздух, но пока ушло время на набор высоты, все было кончено. Окруженный врагами, зажатый сплошным огнем, Локтев попал под удар падающего на него сверху самолета Лемма и взорвался... Не принимая боя, используя преимущество в скорости, стая ушла.

С этого дня самым ненавистным для нас стал немец Гуго Лемм, летающий на разрисованном «мессере». В каждом бою мы высматривали этот трижды проклятый самолет, но он не появлялся. Ждал, словно нашкодивший кот, когда о нем забудут.

В конце августа мы вылетели тремя парами. Со мной был сержант Иван Рябов, недавно выпущенный из училища летчик. У Тихонова и Щербакова в напарниках тоже молодые ребята, однокашники Рябова. Над Ростовом встретили группу немецких бомбовозов, но прорваться к ним не дали истребители сопровождения.

Я с Рябовым отбивался от шестерых «мессеров», старавшихся отсечь Ивана и уничтожить в первую очередь именно его — по поведению в бою, по технике пилотирования [25] угадывался новичок. Действительно, то был его первый боевой вылет.

Замечаю, что Рябову трудно держаться в глубоком правом вираже внутри круга, вот-вот он сорвется в штопор. Чтобы срочно переложить машину в обратный вираж, плавно уменьшаю крен. Рябов, похоже, понял мое намерение, и я энергично переключиваю машину. В тот момент сверху, почти отвесно пикируя на нас, промчались два «мессера». Переход на противоположное вращение и спас нас: иначе нас сбили бы тем самым приемом, от которого погиб майор Локтев. Мне даже показалось, что на борту ведущего мелькнул хоровод из нескольких черных фигурок!

Проскочившая пара вышла из пике и боевыми разворотами круто поднималась вверх. Да, это был он — Гуго Лемм: левый борт размалеван аистом с мечом. Теперь я просто не имел права выйти из боя, я должен был хотя бы ценой собственной жизни уничтожить этого гада!

Мы к тому времени попали в «клещи». Одна пара из тех, что крутились вокруг нас, отвалилась от общего круга и нырнула вниз, две другие машины вместе с Леммом готовились ударить с высоты, четыре оставшиеся продолжали кружить встречными виражами, отсекая все наши попытки вырваться.

Очевидно, по радиокоманде обе пары «мессеров» бросились в атаку: нижние на крутой «горке», верхние — на пикировании. Держу машины в левом вираже до начала открытия по нам огня, готовясь одновременно к срыву вниз.

Пошел! Отвесно падаем в стремительном штопоре. Брызнули по сторонам нижние «мессеры», не успевшие сделать ни одного выстрела: атакующие сверху также не пытались открывать огонь по бешено крутящимся машинам.

Но вот обогнал меня в пикировании самолет, на котором весело пляшут негрятята, и я понял: если немедленно прекратить штопор, то я обязательно встречу с выходящим из пике Гуго Леммом. Эту сволочь я должен сбить, даже если придется его таранить!

Сделано: в следующее мгновение, вырвав машину из штопора и разогнавшись на форсаже, я направился точно лоб в лоб поднимающемуся от земли самолету штурмфюрера.

Он спохватился слишком поздно. Скорость сближения была огромна. Чтобы отвернуть, у него не оставалось ни [26] времени, ни дистанции. Ловушка захлопнулась! До столкновения оставались считанные мгновения. Мои пулеметы молчали: попасть в тонкий лобовой профиль «мессершмитта» — дело почти невозможное. Я был готов к тарану.

Не выдержали нервы фашиста: перед самым носом моего «ишачка» он рванулся в сторону, оголив желтое брюхо своей машины, — реактивный снаряд и пулеметный залп превратили ее в груды горящего металла.

С Гуго Леммом было покончено.

«Приблудыш» Бейсимбаев

Однажды в начале октября 1941 года часовой из роты охраны задержал человека, назвавшегося летчиком и просившего доставить его к командиру части. За несколько дней до этого погиб наш второй командир полка, и командование временно принял начальник штаба капитан Чечнев. Он распорядился привести задержанного.

Вошел молодой, с темным от загара лицом сержант — невысокий, широкоплечий, туго затянутый поясом. На чистой гимнастёрке с голубыми петлицами висели значки — «Ворошиловский стрелок» и «Парашютист». Незнакомец четким шагом подошел к Чечневу и доложил:

— Сержант Бейсимбаев. Разрешите обратиться по личный вопрос?

Слова он произносил четко, но акцент, судя по фамилии, казахский, делал его речь несколько своеобразной.

— Слушаю вас, говорите.

— Товарищ капитан, я летчик. В мае этого года закончил Батайский авиашкола. Война застал в запасной полк под Грозным. В августе нас отправили на фронт, в распоряжение Пятой воздушной армии. Мы ехали поездом. Эшелон бомбили. Ничего не остался: все горел, все ломался к черта матери. Кто живой остался, потом комендатура собирал, посылал маршевый полк. Там и пехота, и летчик, и танкист, и все-все. И никакой разговор: носишь военный форма — иди маршевый полк, пехота будешь.

Говорил он торопливо, словно опасался, что его перебьют, не дадут рассказать о себе.

— Вот так я и стал пехота. Мы вон там, за ваш аэродром [27] оборона строим. Я посмотрел-посмотрел, И-16 летают. Самый мой машина. Вот и отпросился узнавать: может, вам летчик надо? Я драться хочу. Смотрел, как вы деретесь, завидовал, чуть не плакал!

Чечнев повернулся к нам:

— Что скажете, батайские инструктора?

Выходило, что это бывший курсант нашего последнего предвоенного выпуска. В лицо, правда, мы его не знали. Не мудрено: в школе несколько отрядов, в каждом по три-четыре эскадрильи, все стояли на разных аэродромах, отряды мало общались.

— В каком отряде вы были курсантом?

— Второй отряд, второй эскадрилья, первый звено!

— Кто был командир, инструктор?

— Командир отряда — капитан Ковалев, а инструктор — лейтенант Скорик Сергей Сергеевич!

— Простите, а как он выглядел, ваш Сергей Сергеевич?

Бейсимбаев, который стоял, вытянувшись по стойке «смирно», вдруг широко улыбнулся:

— Лейтенант Скорик маленький-маленький, совсем как ребенка. А летает — во как! — Бейсимбаев оттопырил большой палец, помолчал и добавил: — Строгий инструктор. Дисциплина любит, порядка знает.

Мы переглянулись. Все было верно.

— Вас как звать, сержант Бейсимбаев?

— Зовут Айтен, по батюшке Мирманович.

— Ну добро, Айтен Мирманович, побудьте у входа, мы вас позовем. — Чечнев подождал, когда закроется за сержантом дверь, и обратился к нам: — Ну, как?

Лейтенант Тихонов усмехнулся:

— Как с куста трясет... Только для порядка задам-ка я ему еще вопросик, на засыпочку.

Глаза вновь появившегося в комнате сержанта сверкнули надеждой.

— Как дразнили курсантов нашего звена? — переспросил он, и его скуластое лицо удивленно вытянулось. — Каракатиц! Это такой животный, в море живет. Плавает тихо-тихо... Мы там летал на старый И-15. Все уже на И-16, а мы все, как каракатиц, ползаем, у него скорость совсем маленький.

Он даже коротко рассмеялся и помотал головой, вспомнив, вероятно, свои полеты на «пятнадцатом» и подначки курсантов других звеньев.

В тот же день были улажены дела с переводом сержанта [28] Бейсимбаева из стрелкового в наш истребительный авиаполк.

Летал Айтен хорошо. Быстро усвоил приемы воздушного боя. Обладал цепким взглядом, молниеносной реакцией и завидным чувством юмора. Когда сердился на что-нибудь, то ворчал себе под нос по-казахски. А потом снова улыбался, снова затевал спор по любому поводу — то горячась, то внимательно слушая собеседника и негромко повторяя трудные для него русские слова. Был он общителен и с первых же дней прочно вошел в жизнь полка.

Вскоре он отправился в свой первый боевой полет. Мы вышли вчетвером. У меня, Тихонова и Щербакова сержант Бейсимбаев был общим ведомым. Кроме нас, трех «стариков», из семи оставшихся к тому времени в полку летчиков, остальные были недавние выпускники училищ. Большая часть прежнего состава погибла, остальные, получив ранения, оказались в госпиталях. Вот мы и старались вводить в строй молодых ребят, чтобы хоть в первых вылетах, меньше подвергаясь опасности, они могли ознакомиться с тактикой немецких истребителей. Получалось, что мы трое охраняли в бою одного новичка.

В этом бою Бейсимбаев увидел, как все мы на различных этапах схватки сбили по «мессеру». Одновременно мы дали Айтену возможность несколько раз самостоятельно выйти из опасных положений, не препятствовали атаковать проходившие поблизости вражеские самолеты. Он увидел, как шарахались «мессеры» от его выстрелов, с первых минут боя поверив в себя, в свою машину и в то, что немцы — отнюдь не сверхчеловеки, а самые обыкновенные люди, только неизмеримо больше нас боящиеся смерти.

«Провозной» пролет не пропал даром. Уже во втором вылете, будучи моим напарником, Бейсимбаев сбил «мессера». Он навязал немцу бой на виражах. Рванувшись вперед, тот показал на миг свою машину со стороны «живота» и был разорван реактивными снарядами.

Толковым летчиком и отличным парнем оказался Айтен. В полку дали ему шутовское прозвище «Приблудыш» — ведь он действительно «приблудился», попав к нам без какого-либо назначения из вышестоящих штабов. Прозвище Айтену понравилось, и он произносил его, смеясь и с явным удовольствием.

Следующего «мессера» Айтен сбил в четвертом вылете. [29] Наш «Приблудыш» ходил как именинник, он просто весь светился от гордости, видя, как механики наносили вторую красную звездочку на фюзеляж его боевой машины.

И вот тогда сержант Бейсимбаев задал вопрос, который, честно говоря, «иному не приходил в голову. Точнее, говорить на эту щекотливую тему вслух было не принято.

— Как же так получается, все уже много летал, имеете много сбитый «мессер» и другой машина фашистов, а на весь полк нет ни одной боевой награды. Почему нет?

Такая детская непосредственность вопроса поставила нас в тупик. В самом деле, ни один из авиаторов полка не отмечен боевой наградой. Мы знали, что штаб посылал на нас наградные документы, но проследить за их движением в неразберихе первых месяцев войны было практически невозможно. Все это понимали, и отсутствие орденов и медалей не тревожило нас. Воевали-то не ради наград!

Так мы и объяснили Бейсимбаеву, но он не мог успокоиться:

— Непорядка это! Так не должен быть!

В одном из очередных вылетов сержант Бейсимбаев, сопровождая напарником лейтенанта Тихонова, сбил два «мессершмитта», а когда возвращался домой из этого боя на слегка подраненной машине — осколком снаряда разбило фонарь кабины, — ему повстречалась группа «юнкерсов». Как и Бейсимбаев, немцы шли низко, бреющим полетом — к тому времени мы отучили их летать таким манером, будто они не на войне, а на параде. Айтен, не растерявшись, боевым разворотом занял позицию над бомбардировщиками, внезапно атаковал одного за другим два вражеских самолета, загнав обоих в землю.

К двум звездочкам на его машине прибавилось сразу четыре. Это — за полмесяца боевой работы. Ну, не молодчина ли этот Бейсимбаев?

...К началу ноября сорок первого года у нас в полку осталось шесть летчиков. Три лейтенанта и три сержанта. Второго ноября, сбив каждый по «мессеру», погибли лейтенант Щербаков и его напарник сержант Яснов. Дрались они севернее Ростова, над поселком Большие Салы. В конце схватки на машине Щербакова был поврежден мотор. Он начал выходить из боя, но тут подоспела новая [30] группа «мессершмиттов». На Щербакова с напарником навалилось более десятка гитлеровцев. Яснов мог спастись в одиночку, но, не захотев покидать командира, сгорел вместе с ним.

Тихонову и мне вместе с нашими ведомыми удалось ускользнуть от немцев и на последних каплях горючего добраться до аэродрома.

Велика была наша скорбь о погибших. Особенно тяжело переживал гибель Виктора Щербакова, своего давнего друга, лейтенант Тихонов. Он почернел, в глазах сверкала яростная тоска. Четвертого ноября в коротком встречном бою лейтенант сбил двух «мессеров» и на следующий день загнал в землю еще одного. А в праздничный день, седьмого ноября, в день своего 27-летия, Василий Тихонов погиб и сам...

Двадцатого ноября нас, летчиков, из всего полка осталось двое — сержант Бейсимбаев и я. После полудня мы вылетели навстречу группе фашистских бомбовозов, прикрытых армадой «мессершмиттов». Бой получился короткий и свирепый. Вломившись в самую гущу «мессеров», двоих успели поджечь сразу. Потом, связанный двумя парами врагов, Айтен упустил момент, и к хвосту его машины подобрался еще четыре истребителя. Он отчаянно метнулся в сторону, но поздно — огненная трасса изрешетила кабину. Тяжело раненный, Бейсимбаев бросил машину в штопор, смог выйти из него возле самой земли и, скрывшись на фоне пересеченной местности, потянулся домой.

Я оказался один. Совсем один. Враги облепили со всех сторон. Спасали бешеные броски из стороны в сторону. Немцы заторопились — бензин на исходе, занервничали, а на сетке моего прицела появился потерявший осторожность «мессер». Мне оставалось только нажать гашетку пуска реактивного снаряда — на месте фашистского истребителя расцвел в небе черный цветок взрыва.

Как по чьей-то команде, внезапно остановилась сумасшедшая карусель — кончалось горючее у немцев и у меня.

Бейсимбаева дома я уже не застал. Говорили, что, истекая кровью, он даже зарулил на стоянку, но покинуть самолет без посторонней помощи сил не хватило. Ноги у него оказались пробиты пулями в нескольких местах. Рассказывали, что, когда отправляли его в госпиталь, он, впадая в беспамятство, бормотал:

— Непорядка это, все равно так не должен быть... [31]

Последний

В тот же самый день, 20 ноября, когда я остался единственным в полку пилотом, начальник штаба капитан Чечнев получил распоряжение направить командира-летчика в Борисоглебский запасной авиаполк для получения там эскадрильи И-16 вместе с личным составом. Такое известие нас обрадовало, ибо давно уже мы не получали пополнения ни машинами, ни летчиками. За минувшие пять месяцев войны более шестидесяти человек в полку сложили головы в неравных, жестоких и кровопролитных воздушных боях.

Связной самолет доставил меня в Борисоглебск. Командир авиаполка долго рассматривал мои документы, вздыхал и старательно прятал глаза. Было похоже, что с получением обещанной эскадрильи выходила какая-то заминка.

— Чем порадуете, товарищ майор? — нарушил я затянувшееся молчание.

— Собственно, нечем порадовать, лейтенант. Вашу эскадрилью, — он подчеркнул слово «вашу», — мне приказали передать москвичам. Самолеты уже вчера улетели.

— А как же мы... Ведь перед вами — последний летчик полка, вы понимаете это? На нашем аэродроме всего два самолета, битые-перебитые, латка на латке. Моторы давным-давно выработали все ресурсы. Летать не на чем и некому. Дайте хоть что-нибудь! Ну, если не эскадрилью, то хотя бы звено. На первое время и этому будем рады, — просил я майора.

Тот смотрел на меня грустными глазами, и я видел, что у него действительно дать нам нечего. По разным углам аэродрома стояло лишь несколько машин, но в каком состоянии и кому принадлежат — неизвестно.

— Ладно, уговорил, лейтенант. Прибыли сегодня к нам два летчика-сержанта. Из училища. Кажется, Мельников и Дыбич. Вот и забирай их себе. Три самолета тоже постараемся найти...

Линия фронта уже проходила по Дону. Ростов занял враг. Утром 28 ноября 1941 года мы поднялись в воздух. Задача была сформулирована кратко: «Не допускать бомбардировщики противника к нашим наземным частям». Для трех И-16 задача почти невыполнимая. Мельникова [32] и Дыбича, идущих в первый свой боевой вылет, потренировать в выполнении приемов боя не было возможности. Кое-что я успел показать над аэродромом, кое-что объяснил на пальцах.

Звено круто набирало высоту. Над Ростовом стелилась сизая дымка — в городе догорали пожары. Вот впереди показались четыре пары «мессеров» — авангард прикрытия бомбардировщиков. Я развернул звено в сторону солнца, не упуская из виду немецкие истребители. Сейчас важно остаться необнаруженными, сохранить возможность для внезапного удара по бомбовозам.

Наконец показалась основная группа — плотный строй из десяти тяжелых Ю-88, окруженных снующими вокруг них истребителями. Мы выше «юнкеров» примерно на тысячу метров. Позиция удобная. Недолгое сближение на встречном курсе со стороны быющего немцам в глаза солнца, и вот — пора!

Круто опускаю нос машины на ведущего «юнкера». Ударить надо именно по нему, хотя бы сбить его с курса. «Юнкерс» быстро растет в сетке прицела. Огонь! Огонь! С визгом сорвались с полозков два РС и, оставляя дымный след, устремились к флагману. Мои напарники тоже выпустили по два снаряда — флагманский Ю-88 неуклюже завалился и, окутавшись дымом, рухнул вниз. Остальные бросились по сторонам, из открытых люков черными каплями потекли бомбы, на свои же войска — лишь бы поскорее избавиться от груза. Вся атака длилась несколько секунд.

Истребители сопровождения прозевали ее начало, и теперь «мессеры», примерно тридцать машин, бросились за нашим уходящим на пикировании звеном.

За минувшие месяцы войны в воздушных боях, как я говорил, на моих глазах погибли или получили тяжелые ранения два полных летных состава полка. Смерть товарищей звала к отмщению. Я твердо усвоил главную заповедь истребителя: не считай врагов, а смотри, где они. С первого же боевого вылета драться приходилось при численном перевесе немцев, и стоило когда-нибудь хоть на секунду оробеть перед этим обстоятельством — гибель моя оказалась бы неизбежной.

Позже пришел опыт, бурные эмоции сменил холодный расчет, и бой превратился в обычную, до тонкостей освоенную работу. Пилотирование не занимало внимания: в полете я становился, так сказать, частью самолета, отлаженной и отрегулированной до полного совершенства, все [33] мои действия обосновывались сложившейся на данный момент обстановкой. Получалось, будто машиной управлял кто-то другой, а я только приказывал этому другому выполнять нужные маневры...

Душа моя, если можно так сказать, сжалась, ушла в себя. Я перестал испытывать страх, все больше привыкал к гибели однополчан, не помышляя и самому остаться в живых. Мысли о смерти остались где-то за пределами сознания, там, куда вход моему человеческому «я» был строго воспрещен.

Постепенно я перестал удивляться тому, что выходил из самых невероятно тяжелых, непомерно неравных схваток без единой царапины — даже тогда, когда возвращался из боя, в котором гибла вся наша вылетающая группа. Почему так получилось, я не понимал, да и не задумывался над этим. Принимал все, как должное.

И только много позднее, в тиши госпиталя, я начну постепенно оттаивать, анализируя проведенные бои и испытывая ни с чем не сравнимое тягостное чувство от былой, казалось, абсолютной неизбежности смерти; размышлял о причинах нашей неполной подготовленности к этой войне; ощущал острую неизбывную боль, вспоминая о погибших друзьях. Все это — потом...

А сейчас мое звено продолжало бешено пикировать в строю правого пеленга. «Мессеры» догоняли. Четко работала мысль: «Резко затормозить. Немцы этого не ожидают и обязательно проскочат вперед. Мы окажемся у них в хвосте». Старый, испытанный прием: убран газ, машины энергично выведены в горизонтальный полет. Звено словно уперлось в резиновую стену — широкий лоб наших «ишачков» сделал свое дело, все три И-16 будто встали на якоря! А остроносого «мессершмитта» быстро не затормозишь, не зря же он «мессер» — «нож».

Успеваем перестроиться в оборонительный круг. Немцы пристреливаются. Все ближе пушечные трассы. Все круче приходится закладывать виражи. Моторы надрываются в форсаже. Самолеты вздрагивают от напряжения, готовые сорваться в штопор при малейшей ошибке в пилотировании.

Самолет в штопоре — это бешеное вращение земли, сливающейся в крутящийся диск. Я не однажды использовал штопор для выхода из боя, но только тогда, когда оставался один. Теперь же, прижавшись вплотную друг к другу, крутились со мной в сумасшедшем вираже две машины с совсем еще «зелеными» летчиками. [34]

Надо уходить. Но как? Выход виделся пока один: удержаться в крутом вираже, «пересидеть» немцев в воздухе. Мы могли бы гордиться таким исходом, ведь их в десять раз больше, а мои напарники впервые в бою. Но долго ли выдержат новички такую нагрузку?

От перегрузок кровь отливает от головы. В глазах меркнет свет, невероятной тяжестью наливается тело, неумолимая центробежная сила гнет позвоночник, отрывает руки от рычагов управления. А надо еще следить за обстановкой, маневрировать, уклоняться от смертоносного огня.

Машина Дыбича вдруг резко «клюнула», завалилась и резко понеслась к земле. Следом устремилось несколько пар «мессершмиттов».

— Стас, не выводи! Штопори до земли! Только не выводи!

Но самолет Дыбича, сделав несколько витков, начал выходить из штопорного полета.

— Что ты делаешь, Дыбич, немедленно в штопор! — надрывался я криком, хотя знал, что моего голоса никто не услышит.

Четыре «мессера» догнали краснозвездную машину. Вспух на ее месте клубок взрыва, замелькали в падении куски самолета. Не стало Станислава Дыбича.

Мельников плотнее прижался к моей машине. Для него я был единственной защитой в этом страшном смертоносном клубке. Он тянется ко мне, как цыпленок, убегающий под крыло матери-наседки от налетающего коршуна.

Наше оборонительное кольцо распалось. Немцы немедленно этим воспользовались, бросившись на нас с задней полусферы. Ливень снарядов возвестил о новых атаках. Находиться в вираже теперь бессмысленно. Нас атакуют сзади, идут встречным курсом, изготовились бить сверху. Теперь оставалось атаковать самим. Иного выхода нет.

Я бросился вправо вверх и оказался под проходившим мимо «мессером». Его желтое брюхо заполнило сетку прицела.

— Огонь! Залпом!

Пулеметы брызнули свинцовыми струями, РС вошел в тело истребителя. Он стал очередным сбитым мной самолетом врага.

Но радость тут же сменилась тревогой — где Мельников? Не удержавшись возле меня при броске вверх, он [35] остался один. Проскочившего перед ним «мессера» он поджег, но и Мельникова постигла та же участь. Я успел увидеть объятый пламенем И-16 и горящий рядом с ним «мессершмитт».

— Эх, Алеша, Алеша... Ну, теперь, держитесь, гады!

Ярость и боль душили меня. Стиснув зубы, бросил машину вниз, к проходившей там паре «мессеров». Увидев меня, они со снижением бросились удирать к городу. Они позволили почти догнать себя, а потом сошлись плотнее и начали выходить из крутого снижения. В азарте преследования до упора жму на сектор газа. Мотор не выл — он визжал на высокой форсажной ноте, словно жаловался на свою невообразимо трудную судьбу. Буравом ввинчивался звук в закрытые шлемом уши. В прицеле четко просматривался ведущий «мессер». Дистанция сокращалась. Еще секунда — и сработают мои пулеметы.

Но вдруг сетка прицела очистилась — обе вражеские машины боевыми разворотами ушли в разные стороны... Меня одурачивали, как мальчишку! Вместо боя втянули в бессмысленное преследование. Зачем?

Справа разорвался тяжелый снаряд, сверкнуло пламя. Машину сильно тряхнуло, в глазах поплыли красные круги. Наступила полная тишина. Я потерял сознание.

Моя машина, с оторванным концом правого крыла, с развороченным бортом и срезанным фонарем кабины, неуправляемая, поднялась и легла на спину. Я повис на ремнях. Яростный ветер свистел в кабине. Сознание медленно возвращалось.

«Что же произошло? Ведь я же их почти догнал. Они убегали и внезапно исчезли. А через секунду ударили зенитки... Сволочи, завели меня на зенитную батарею. Подловили, «герои»... Всея оравой не смогли справиться, сожгли уйму бензина и боеприпасов, а без зенитчиков не обошлось...»

Машина, лежа на спине, падала под небольшим углом к горизонту. Подо мной лежал захваченный врагом Ростов. Впереди лента Дона, за рекой — наши. Собрал в кулак волю, двинул рули. Самолет неохотно, с большой нагрузкой на управление, вернулся в нормальное положение. Осмотрелся. «Мессеров» не видно. Ушли.

Снижаясь, пересек Дон. Впереди бесконечные линии окопов, чуть левее небольшой холм, за ним — пятачок пашни. Туда, только туда.

Убыстряя бег, сливаясь в сплошную серую полосу, несется на меня земля. Скребнут по грунту лопасти винта, [36] небольшой пробег — машина, окутанная пылью, остановилась, зарывшись мотором в перепаханное бомбами и снарядами поле.

— Вот и все. Дома.

Страшно возбужденный, я отстегнул ремни, выбрался из разбитой кабины. Снял парашют. Из ближних окопов ко мне бежали бойцы, что-то кричали, размахивая руками. Расстегивая шлем, почувствовал нечто вроде щекотки за правым ухом. Тронул рукой — из пробитого, мокрого от крови шлема торчал еще теплый зазубренный осколок.

В тот же миг голову пронзила резкая боль. Земля повалилась в сторону, потом вдруг встала «на ребро» и, стремительно опрокидываясь, прихлопнула меня душным непроницаемым покрывалом.

Время звездных дождей

И вот наступила эта ночь, с ее голубым сиянием, полная соловьиных трелей и вздохов ночного ветра. Высыпало несчетное множество звезд. А потом всплыла над миром луна — огромная, красная, и в ее мглистом свете обозначилась зыбкая линия горизонта. Повеяло прохладой.

В такую вот чудесную летнюю ночь впервые поднял я в воздух свой ночной бомбардировщик — самолет Р-5 с бортовым номером 3, машину, с которой мне предстояло неразлучно пройти длинные и запутанные в поднебесье дороги войны...

...Тяжелое ранение в голову закрыло мне путь в небо. Медкомиссия огласила приговор:

— К летной работе — не годен.

Я был потрясен. Безутешная тоска по утраченному небу согнула меня, сделала замкнутым и раздражительным. Сколько проклятий обрушивал я на ту чертову пару «мессеров», что завела мой истребитель на зенитную батарею, под огонь прямой наводкой! После четырехмесячного лечения в госпитале очутился я в стрелковом полку на Воронежском фронте. Командовал взводом, ротой, даже замещал погибшего в бою комбата. Стал настоящим пехотным командиром — поднимал в атаку бойцов, дрался, как одержимый, в штыковых схватках, форсировал [37] реки... Одновременно подавал рапорты с просьбой направить в авиацию. Хоть и со скрипом, но получил наконец долгожданное направление. Прощай, пехота!

В истребительную авиацию, правда, не допустили — направили в 719-й полк ночных разведчиков-бомбардировщиков, единственный, как мне сказали, полк, в котором состояли на вооружении Р-5. Еще до службы в армии летал я на таком самолете по трассам ГВФ.

Получив в штабе Второй воздушной армии назначение, в дивизию я добирался на связном У-2. Какое это было для меня счастье — вновь оказаться в кабине летящего самолета, пусть даже пассажиром. Все вокруг виделось необыкновенно прекрасным — и небо в редких хлопьях кучевки, и неспешно наплывающая под крылья земля, и этот старенький, изрядно потрепанный связник, и его молоденький круглолицый пилот.

Полк от штаба дивизии располагался километрах в пятнадцати. Попутки не предвиделось, и, закинув на плечо вещмешок, я отправился, не теряя времени, пешком по проселочной дороге к новому месту службы.

И вот наступила эта ночь, когда меня запланировали в первый ночной вылет — бомбить железнодорожную станцию Кшень. Проверяющим со мной летит штурман

полка капитан Петр Ширшиков. Честно говоря, экзаменатора немного побаиваюсь, хотя я не новичок за ручкой управления самолета.

Ровно гудит мотор. Тонко поют расчалки меж плоскостями, зеленовато мерцают стрелки приборов, короткими злыми язычками голубого пламени ошетинились выхлопные патрубки. Над головой, в недостижимой высоте горят чистым светом тысячи звезд. Вдруг одна из них, самая маленькая, оборвавшись, ринулась в стремительный полет, рассекая наискось небо. Вдогонку бросилась другая, оставив за собой мгновенный слепящий росчерк. Был август 1942 года. Наступало время звездных дождей.

Осталась позади аэродромная суматоха. Взлетать было непросто: наружная подвеска бомб, турельный пулемет «шкас» в открытой — как и у меня — кабине штурмана, выступающие по бокам фюзеляжа лобовые пулеметы — два «максима», — все это, конечно же, не улучшает аэродинамику самолета. Да и общий вес значительно превышает довоенную норму.

Штурман пока не напомнил о себе ни единым словом, очевидно, проверяя мое умение ориентироваться самостоятельно. Я настроился провести «тройку» строго по [38] линейке и расчетное время выдержать до минуты. Наверное, не зря четыре года до войны отработал линейным пилотом.

Сначала на У-2 излетал вдоль и поперек Украину, в том числе Донбасс, затем Краснодарский край и Северный Кавказ. В начале 1937 года переучился на ПР-5, который был пассажирским вариантом военного Р-5. Работал на линии Ростов — Москва, Ростов — Тбилиси. В то время гремела война в Испании. Мы, молодые пилоты ГВФ, писали рапорты по всем инстанциям, вплоть до Генерального штаба и лично товарища Сталина, с просьбой направить для борьбы с франкистскими мятежниками. Нам отказывали, утешая: ваш век такой — еще навоюетесь...

Минут через десять будем над целью. Как-то он выглядит — ночной бой легкого бомбардировщика с наземными средствами противовоздушной обороны противника? Зенитный огонь — дело мне известное. Но совершенно разные вещи — выскочить из зоны огня на истребителе или маневрировать среди огня на тяжело груженной и малоповоротливой машине. И с прожекторами прежде я не встречался. Теоретически, конечно, знаю, как действовать в лучах, чтобы быстрее выйти из них, но ведь практика с теорией не всегда сходятся...

При подходе к цели, когда стали видны вспышки снарядных разрывов и различимы цветные трассы зенитных автоматических «эрликонов», когда лучи прожекторов почти вплотную приблизились к нам, готовые лизнуть самолет раскаленными добела языками, — все тело напряглось готовностью к схватке.

Бурные всплески взрывов на земле прекратились. Висевший до нас над Кшенью самолет отбомбился и ушел, оставив после себя разгорающийся пожар. Погасли прожекторы, умолкали зенитки. Сейчас — моя очередь.

Сбавлен газ. «Тройка» неслышной тенью скользила в сторону вокзала. Штурман в задней кабине по-прежнему молчит. Похоже, до сих пор я делал все правильно. Беру поправку на снос бомб ветром. Замечаний из штурманской кабины не последовало. С высоты шестисот метров хорошо просматриваются забытые эшелонами пристанционные пути. Окна ближних строений чернеют провалами, крыши сорваны, торчат ребра голых стропил.

Ни выстрела, ни прожекторного луча... Мы снижаемся с приглушенным мотором, и после предыдущего грохота немцы нас просто не слышат. [39]

Почувствовал четыре сухих щелчка — штурман сбросил бомбы... Словно злой волшебник махнул палочкой: в небо устремились десятки струй разноцветных шариков — открыли огонь «автоматки», засверкали рыжеватые вспышки — вступили в работу

батареи крупнокалиберных зенитных орудий. По всем высотам расцвели рваные космы разрывов.

Но это была пустая трата боеприпасов. Еще до начала обстрела, едва «отстегнули» бомбы, я дал моторам форсаж и, снизившись на скорости, ушел в сторону. Вновь набирая пологими кругами высоту, я видел пожар на путях — ветер относил от горящих вагонов дым и копоть...

Половина бомб осталась под крылом, идем на второй заход. Приглушать мотор не нужно — на земле грохочет канонада. Кромсая пространство сине-голубыми лезвиями, вонзились в небо шесть прожекторов. Замечаю: на высоте метров пятьсот — шестьсот можно попробовать проскочить необнаруженным под лучами, как между столбами ворот. Конечно, обстрел в районе вокзала плотный, но надо только не зевать и помнить, что огонь-то пока не прицельный, а так называемый заградительный. Так что отворачивай понемногу от близких зенитных трасс да смотри не напорись на дальние...

Круто развернувшись, бросаюсь с полуторакилометровой высоты вниз. Скорость на таком моторном снижении выше максимальной. Злобно и надсадно завизжал мотор, утробным басом загудели расчалки, машину забила частая дрожь.

Прожекторы остались по сторонам. Стремительно надвигаются горящие эшелоны. Все ближе к «тройке» цветные бусы эрликоновских трасс. Короткими, резкими доворотами кидаю машину по сторонам. Огонь прежний — заградительный. Нас до сих пор не видят. Надо бросать бомбы, где ты там, штурман? В ту же секунду щелкнули замки сбрасывателя.

Снова снижение до самых крыш и бешеный бег земли навстречу дрожащей от перенапряжения машине. Теперь самолет Р-5 видится мне по-другому. Вот, оказывается, каким может быть мирный труженик неба! Чтобы выполнить только что проделанную нами работу, штурмовикам Ил-2 пришлось бы прорываться сюда днем целой эскадрилей, и еще неизвестно, всем ли удалось бы вернуться домой после налета. Меня переполняло счастье: я снова был в бою, дрался и выиграл этот бой, как и ту [40] первую свою рукопашную схватку с немцами на Воронежском фронте. Тогда на нас пошла в полный рост толпа пьяных гитлеровцев. Мы поднялись навстречу. Две лавины столкнулись, ударились, перемешались в клубах пыли. Скрежетало железо, стучали выстрелы. Слышались вскрики и стоны. Нельзя было понять, кто кого одолевает. Но вот немцы сбились в кучу, дрогнули и кинулись наутек. По ним стреляли, их догоняли и били прикладами, кололи штыками. Ни один из них не остался в живых, и долго потом отравляли воздух перед нашими окопами тошнотворной вонью разлагавшиеся на солнце мертвые тела.

За спиной протарахтела, разворачиваясь, турель пулемета, и в сторону ближайшего прожектора рыкнула короткая очередь. Вот и «заговорил» штурман! Напускает, мол, зайдем еще разок, постреляем. Бросаю «тройку» вниз, проскакиваю между прожекторами и наконец-то слышу:

— Зайди, командир, в луч.

— Понял, захожу в луч!

Правильно, от прожекторного луча все равно надолго не уйдешь. Кладу машину в левый вираж и вонзаюсь в световую колонну. Штурманский «шкас» поливает землю густым свинцовым дождем. Включаю полный кабинный свет и слежу за остальными прожекторами. Зенитные трассы зацетинились в нашу сторону. Немцы переходят на прицельный огонь. Рядом разорвалось несколько тяжелых снарядов — «тройку» встряхнуло взрывными волнами. Пора выходить. Ухнули вниз с огромной скоростью, круто выворачиваясь из светового столба. Здорово получилось!

Яростнее и бестолковее заплевались зенитки, задергались прожекторы. На выходе из снижения уловил-таки момент и послал длинные очереди из обоих своих пулеметов

по стреляющей «автоматике». Попал или нет — не знаю, только стрелять она перестала. Можно домой!

— Штурман, какие будут замечания?

— Нет замечаний. Все правильно, так и летай.

Кшень позади. Впереди теплая земля, освещенная слабым светом склонившейся к горизонту луны. Над головой бесчисленные звезды и опоясавший небо серебристый хоровод Млечного Пути. А звезды падают и падают, испещряя небосвод кривыми росчерками.

Миллиарды лет бороздили космос камешки — будущие мгновенные звезды. Невообразимое число раз прошли [41] небесные бродяги вокруг маленькой голубой планетки, заглядывая в ее светлый лик, а когда совсем обессилели от нескончаемых странствий, когда насквозь промерзли в безмолвных и бесконечных просторах, потянуло их к этой теплой планете, носящей имя Земля. Они плотным роем бросились в ее горячие объятия, вспыхнув ярким светом, восторженным мигом сгорания возмещая века бесцветного существования. Им нет дела до происходящего на Земле. Они вспыхивают и сгорают, оставляя по себе память короткими голубыми росчерками, навсегда уходя из жизни, безмолвно и незримо погружаясь в безбрежный океан Времени... Где-то там, в черных глубинах космоса, во всю ивановскую хлещет звездный дождь!

Мустафа

В самом конце ноября сорок второго года, при возвращении с боевого задания, я произвел вынужденную посадку. Ночь была темная, из низких дырчатых облаков сыпался мокрый снег, машина обледенела — и пришлось садить ее на первую мелькнувшую внизу ровную площадку.

Место оказалось глухое, дорог и деревень поблизости, похоже, не было. Значит, и немцев здесь быть не должно. Линия фронта километрах в сорока, до своего аэродрома — больше ста. Положение, в общем-то, не из приятных...

Невдалеке от места посадки, на краю неглубокого оврага мы обнаружили одинокую избушку. Там и решили переждать непогоду.

Открыли дверь — неожиданно встретило нас злобное рычание собаки. Штурман полоснул в темноту светом фонарика. У стены скалила пасть овчарка с поднятой на загривке шерстью.

— Кто там? — услышали мы тихий голос.

Обшарив избушку, луч остановился на куче тряпья. Оттуда на нас уставилось, жмурясь от света, лицо человека неопределенного возраста.

— А вы кто такой? — задал я встречный вопрос.

— Рекс, тихо, сидеть! — Человек, не отвечая мне, успокоил собаку и попросил: — Закройте дверь, холодно.

Что-то знакомое послышалось в этом голосе — слабым [42] и явно беспомощном. Впрочем, мало ли сходных голосов на свете...

Мой штурман Николай Нехороших принес кое-каких дровишек, растопил печку. В избушке потеплело. Большой дышал тяжело, с хрипом, глаза его слезились и горели лихорадочным блеском. Собака не отходила от хозяина.

— Так кто же вы такой? — присев на корточки перед огнем, я снова посмотрел в сторону незнакомца.

Тот с минуту присматривался ко мне — разгоревшийся огонь осветил наконец дрожащим маревом помещение, и вдруг приподнялся, выбравшись из кучи тряпок:

— А ведь вы меня знаете, товарищ командир. Помните Мустафу?

Я вздрогнул от неожиданности. Черт возьми, конечно же, это Мустафа! Тот самый, которого с месяц назад мы забрасывали с парашютом к партизанам. Вот так встреча!..

Еще в сентябре мне поручили подготовить к боевому прыжку в немецкий тыл нашего партизана. Им оказался паренек лет восемнадцати — двадцати. Небольшого роста, худощавый и подвижный, он походил, скорее, на подростка. В своей спецшколе он уже прыгал с учебного самолета, но вот десантироваться с боевой машины Р-5 да еще ночью — не приходилось.

Он поселился вместе с нами. Приступили к тренировкам. Прыгал паренек смело, легко — доставляло истинное удовольствие работать с таким способным учеником.

Все звали его Мустафа, хотя ничего татарского в его облике не было. Я, конечно, догадывался, что это лишь партизанская кличка. Однако спрашивать об этом не полагалось...

Мустафа привязался ко мне. Расспрашивал о работе летчиков, о самолетах, о воздушных боях. Подружился и с моим постоянным штурманом Николаем Нехороших, а также с хозяином «тройки» старшим техником Иванычем. Вместе с ним, бывало, просиживал Мустафа ночь напролет на стоянке, дожидаясь возвращения экипажа с задания.

Однажды я пригласил Мустафу в полковой тир — полуразрушенный коровник за селом. Приколол там к стене нарисованную от руки мишень, отошел шагов на тридцать, протянул Мустафе пистолет:

— Давай, партизан, работай!

Мустафа взял пистолет, осмотрел, передернул затвор. [43]

А затем произошло нечто невероятное. Почти отвернувшись от мишени, он молниеносным движением выбросил руку, выстрелил, переметнул оружие в левую ладонь — через секунду раздался второй хлопок. Они почти слились — эти два выстрела!

Я был поражен: «Что за стрельба такая: совсем не целился, бабахнул в белый свет, как в копеечку, и стоит радуется».

Мустафа вернул пистолет, побежал к мишени. В затушеванном «яблочке» рядышком, почти касаясь друг друга, светились две пробоины.

— Вот это да-а... — стоявший тут же Николай Нехороших лишь почесал затылок, сдвинув фуражку на самые брови.

Вскоре я доложил начальству о готовности Мустафы к выполнению боевого задания.

И вот уже позади родной аэродром. Ярче разгорались звезды, ровно гудел мотор да посвистывал за бортом изорванный винтом черный воздух. В открытой кабине рядом со штурманом стоял, выглядывая за борт, маленький партизан — наш общий друг Мустафа.

Через двести километров после линии фронта замелькал на земле огонек. В чередовании его проблесков определили условный сигнал: все в порядке, можно прыгать.

Мустафа выбрался на крыло, дотянувшись до меня, пожал руку и ласточкой бросился вниз — туда, где мигал зовущий его огонек...

И вот — такая встреча: в тылу врага, в заброшенной избушке полевого стана, под завывание пурги сошлись снова наши пути-дороги. Опиши такое в книге — не поверят!

Оказывается, выполнив задание, Мустафа возвращался на нашу сторону. С ним шла овчарка, признавшая его за хозяина еще в партизанском отряде. А потом он заболел и, случайно наткнувшись на этот пустовавший домишко, решил тут

отлежаться. И сам Мустафа, и его собака голодали: в котомке оставалось всего-навсего несколько сухарей.

С рассветом снегопад утих. Мы очистили машину ото льда и снега. Удачно запустили мотор, взлетели. Мустафа и Рекс устроились в задней кабине, рядом со штурманом...

Шло время. Вслед за наступающим фронтом наш полк перемещался на запад. О Мустафе, которого вместе [44] с Рексом отправили в армейский госпиталь, мы не имели никаких сведений.

В июне 1943 года по возвращении с задания прямо на стоянке встретил меня молоденький лейтенант. Представился, лихо козырнув:

— Товарищ командир, лейтенант Мустафа прибыл в ваше распоряжение!

Его лицо светилось улыбкой, глаза сверкали радостно и задорно. Он снова поселился с нами, готовясь к новой высадке в немецком тылу.

Однажды, не выдержав, я все же любопытствовал, чем занимается Мустафа там, за линией фронта. Тот нахмурился:

— Чем занимаюсь? А-а... И говорить-то противно, — заторопился вдруг на кухню Мустафа, прихватив для чего-то свой вещмешок.

Минут через пять вошел в комнату, еле волоча ноги, совершенно незнакомый мне подросток — грязный и взлохмаченный. На перепачканном дергающемся лице оборванца не было видно ни проблеска мысли. Глаза тупо глядели по сторонам, изо рта вылетали не то ругательства, не то болезненный хрип. Остановившись у дальней стены, он порывался в лохмотьях ватника, извлек листок бумаги, расправил его на ладони и, показав язык, плюнул на него. Внезапно резким движением он шлепнул листок на стену.

Я ахнул: на стене висела фашистская листовка с портретом Гитлера! Подросток проковылял к двери и застыл там, сгорбившись.

И вдруг через всю комнату блеснула молния — что-то сверкнуло в шевельнувшейся кисти руки, и в то же мгновение в горло на портрете вонзился нож. Почти одновременно из другого рукава вылетел второй нож и, повторно сверкнув молнией, воткнулся точно в глаз Гитлеру!

— Вот этим и занимаюсь, — грустно, но с затаенной гордостью сказал, сбрасывая лохмотья, Мустафа.

Освободив ножи, он протянул их мне. Короткие и узкие лезвия их были отточены до бритвенной остроты. Тяжелые дубовые ручки залиты внутри свинцом. Страшное оружие в умелых руках! На рукоятках зарубки — тонкие, потолще и крестиками.

— А это что?

— Тонкие — полицаи, потолще — немецкие солдаты, а каждый крестик — офицер. Пока всего полсотни гитлеровцев, но скоро будет больше. [45]

Стало понятно, чем занимается Мустафа в немецком тылу.

— Этому меня обучили в разведывательной спецшколе: и притворяться, и стрелять, ну и с ножами вот — тоже... А возвращает ножи мне Рекс, этому я научил его сам. Он у меня умница!

Предгрозовой июньской ночью мы снова отвезли Мустафу за линию фронта, простились, и белый парашют потонул во тьме.

Он не вернулся. И сколько я ни спрашивал потом, никто не знал о судьбе паренька, носившего редкую и незабываемую партизанскую кличку — Мустафа.

Русский сувенир

Зима в тот год выдалась холодной и вьюжной. Неделями не показывалось солнце. Свинцовое небо сыпало и сыпало снегом, штормовой ветер укладывал его в

причудливые сугробы — плотные, будто белый асфальт. Весь декабрь наш полк не столько летал, сколько откапывал из-под снега самолеты, расчищал рулежные дорожки и взлетную полосу.

Перед Новым годом на фронте наступило затишье. Боевым действиям «большой» авиации препятствовала погода. Лишь наши полотняно-фанерные Р-5, истинные хозяева ночного неба, круто замешанного на пурге, используя любую возможность, уходили в полет.

Срочный вызов в штаб полка был для меня и штурмана Алексея Атаманова неожиданным-негаданным. Встретил нас начальник оперативного отдела дивизии полковник Стяжков.

— Садитесь, товарищи.

По одному только тону этого приглашения можно было безошибочно определить: предстоит нечто необычное.

— Завтра уже тридцать первое декабря, — словно это было для нас новостью, многозначительно сообщил полковник. — Политотдел направляет к вам в полк фронтовую бригаду артистов Мосэстрады. Кроме того, состоится и свой самодеятельный концерт. И все же в вашей праздничной программе чего-то не хватает. Вы не находите? — интригуяще улыбнулся Стяжков.

Я озадаченно посмотрел на полковника; «Что это он [46] так озаботился нашим новогодним вечером? Не похоже на него. Мужик серьезный, из-за таких пустяков не станет мотаться по полкам». Мой штурман тоже недоуменно пожал плечами, дескать, пока ничего не понимаю.

Стяжков перехватил наши взгляды, озорно рассмеялся:

— Думаете, «темнит» полковник? А вот и нет. В церемонии встречи Нового года явно нет коронного номера...

И тут я понял, на что намекает Стяжков. Ведь у немцев тоже будет встреча Нового года. Самое время «одарить» их к празднику — на долгую память!

— В нашей программе не хватает русских сувениров для немчуры. Верно, товарищ полковник? — спросил я.

— Совершенно верно! — довольный моей сообразительностью, подтвердил тот.

Атаманов, уловивший наконец суть разговора, широко улыбнулся:

— Точно, командир! И поздравим, и гостинцев отвезем каких надо. Сам Дед Мороз нам позавидует!

Посерьезневший Стяжков подошел к карте.

— Теперь — к делу. Нам сообщили, что в Кривом Роге немцы готовятся устроить новогоднюю вечеринку. Соберутся несколько сот офицеров. Место их встречи — церковь, которую они недавно оборудовали под офицерский ресторан...

Мы знали эту единственную уцелевшую церковь, расположенную в самом центре города. И удивлялись, как это она ухитрилась сохраниться после стольких бомбежек.

— Командование, — продолжал полковник, — предложило криворожским подпольщикам взорвать церковь. Но выполнить это им оказалось не по силам... Вы, Лобанов, любите нестандартные задания, так что вам и карты в руки! Но учтите, что погода будет тяжелая: ветер, метель, облачность, а цель очень мала, точечная цель. Впрочем, штурман Атаманов в своем деле ас. — Стяжков помедлил, затем сказал уже тоном приказа: — Итак, удар по церкви следует нанести точно в ноль-ноль часов ноль-ноль минут, когда господа офицеры будут стоять у своих столиков с поднятыми бокалами шампанского.

Нас предупредили, что подготовка и сам вылет должны быть сохранены в тайне от всех. Самолет держать в обычной боевой готовности. Бомбы подвезут к самому старту. Время вылета рассчитать и назначить самим. [47]

Помнить главное: отбомбиться надлежит точно в ноль-ноль часов.

Ранние сумерки укутывали село серым покрывалом. Низкие черные облака дышали холодом и сыпали на землю крупные хлопья снега. Порывистый ветер вытягивал их в поземку.

Возвращались мы из штаба молча. Шагали в ногу, вдавливая унты в похрустывающий наст. Я хмурился, сосредоточенно глядя в белесую мглу рано наступившей ночи, Алексей, напротив, шел весело, широко размахивая руками. На его раскрасневшемся лице сияла довольная улыбка.

Однако моя озабоченность вскоре передалась и штурману. Видимо, мысленно представил он новогодний полет. Лететь придется в сплошном снегопаде, практически вслепую, на предельно малой высоте. И необходимо найти в этой круговерти не просто город или аэродром, а отдельное строение — церковь. Найти и с первого захода аккуратно положить бомбы под ее стены.

— Церковь — очень прочное сооружение, — заговорил я, нарушая молчание. — Довелось видеть, как сносили церковь в Ростове. Из-под ломов только крошка брызгала да искры летели. Так что «сотками» ничего не сделаешь. Придется брать тяжелые фугаски — «ФАБ-250», четыре штуки.

— Но ведь балки не выдержат! Оторвутся на взлете, и тогда конец! Может, возьмем десяток «соток» и хватит... Залпом шарахнут так, что будь здоров. Ведь не рассчитаны наши бомбодержатели на двести пятьдесят килограммов. Зачем же зря рисковать, командир?

Дома долго мы сидели задумавшись, и у меня из головы все никак не шли рассуждения Алексея о риске. И мысленно я доказывал — то ли ему, то ли себе: «Спрашиваешь, штурман, зачем зря рисковать... А мы зря и не рискуем. Да и вообще вся наша жизнь сейчас разве не сплошной риск? Балки, говоришь, не выдержат... Выдержат! Самолет имеет запас прочности. Взять мотор. На форсаже по инструкции ему разрешается работать не более одной минуты, а нам по сколько приходится его гонять? Или погода. Кто бы в мирное время поверил, что можно летать в пургу не только днем, но и даже ночью, прижимаясь к почти невидимой земле, находить любую цель и свой аэродром. Причем без радио, которого нет на наших Р-5, без всякой подсказки с земли. Так что балки — выдержат, церковь — найдем обязательно и русские [48] сувениры поднесем фрицам. Война, друг Леша, война!»

За окном все сильнее бесновалась лохматая зимняя ночь, швыряясь охапками снежных зарядов, свистя по-разбойничьи ветром, стараясь выморозить все живое на спящей земле...

И вот он, канун нового, 1943 года. Все радовались плохой погоде: боевой работы не будет и полк встретит праздник в полном составе.

Подготовка нашей «тройки» к вылету велась в тайне. В 22.00, когда авиаторы собрались в клубе и начальник штаба стал зачитывать праздничный приказ, я осторожно выруливал на взлетную полосу.

Окутанный белесым мраком, исхлестанный снежными зарядами, истерзанный бешеным ветром, наш тяжело груженный самолет, натужно гудя мотором, на ничтожно малой высоте призрачной тенью пошел к цели.

...До цели оставалось двадцать минут. Мы готовы к любой неожиданности. За все время полета сказано не более десятка слов — говорить пока не о чем да и некогда: крайне трудными оказались условия этого рейса. Вспомнилось напутствие Стяжкова, лично проводившего нас до взлетной полосы: «Ни пуха ни пера вам. Возвращайтесь. Мы все ждем вас. Знайте — сегодня вы будете одни в полете на всем фронте».

Наконец под крылом замелькали в разрывах облаков окраины Кривого Рога. Здесь все знакомо, это район наших постоянных боевых действий. Ни выстрела, ни

прожекторного луча... Кто мог ожидать самолет при такой непогоде? «Тройка», по-прежнему незамеченная, подходила уже к центру города. На фоне темного облачного неба едва-едва просматривался силуэт церкви. На штурманских часах — без одной минуты полночь. Все ближе намеченная цель. Самолет идет под самой кромкой облаков. Высота сто метров — лучше условий для атаки не выбрать. Стрелка часов отсчитывала последние секунды года.

Стремительно надвигалась громада церкви. В одном из верхних окон виден свет, вероятно, сорвалась маскировочная штора. Едва секундная стрелка пересекла цифру двенадцать — щелкнули замки бомбодержателей. Облегченную «тройку» взметнуло вверх, в клубящуюся рванину облаков. Я бросил машину вниз, прижимая ее на форсаже к самым крышам несущихся навстречу кварталов. Впереди редкие постройки, линия железной дороги, терриконы над заброшенными шахтами и снег, снег без конца и без края. [49]

Взрывная волна догнала «тройку» на выходе из города. Успели разглядеть, как подпрыгнула и повалилась колокольня...

— С Новым годом, командир! — голос штурмана прозвенел восторгом.

Он дотянулся до моей передней, такой же, как у него, открытой кабины, хлопнул меня по плечу. Я крепко пожал ему руку. Вылет прошел на редкость удачно. Густой снегопад и сильный ветер, низкая облачность и пронизывающий холод сработали в нашу пользу. Ни одного залпа по самолету за весь полет! Немцы попросту не следили за воздухом, полагаясь, очевидно, на совершенно нелетную погоду.

Но нам-то каково! Ведь опасностей при борьбе с метелью всегда неизмеримо больше, нежели от действий средств противовоздушной обороны в районе любого вражеского объекта.

Лететь оставалось тридцать минут. Мы, конечно, не знали, что в это самое время на клубную сцену поднялся командир нашего полка с радиограммой в поднятой руке:

— Товарищи, послушайте! Только что получено: «В 24.00 взорвана церковь с находившимися в ней немецкими военнослужащими. По предварительным данным, уничтожено более 250 офицеров и 50 нижних чинов. Взрыв церкви произведен с борта советского самолета. Горячий привет экипажу! С Новым годом, товарищи! Бюро подпольного Криворожского горкома ВКП (б)».

В зале — полная тишина.

— Боевой вылет, — продолжал комполка, — выполнил командир звена старший лейтенант Лев Лобанов со своим штурманом Алексеем Атамановым. Вот почему этого экипажа не оказалось за нашим праздничным столом. Дома они будут через полчаса.

Эти слова потонули в громовом «Ура», в радостных восклицаниях. Затем все засобирались на аэродром.

Неизменный хозяин «тройки» старший техник Иван Иванович Акимов сидел на стремянке, терпеливо ожидая возвращения нашей машины. Неожиданно налетела толпа летчиков, и не успел медлительный Иваныч опомниться, как оказался в воздухе. Его долго и неистово качали, а когда опустили на землю, наперебой принялись рассказывать о полученной радиограмме. Техник степенно оправил комбинезон, помолчал, собираясь с мыслями, и наставительно поднял палец: [50]

— Знай наших!

Посадку «тройки» никто не заметил — она просто возникла на стоянке из крутящегося снега и воющего ветра и замерла. На руках вынесли нас из кабины, качали, обнимали, жали руки всем полком.

А затем отправились в клуб. Снова выступали самодеятельные полковые артисты:

Над аэродромом прокатился громом,
Рокотом знакомым самолет.

Это из-за тучи наш товарищ лучший
Боевой привет нам шлет!

Взбудрила налитая до краев чарка — то были наши законные фронтовые сто граммов, положенные за выполнение боевого задания.

Эх, сильны ребята-ночники,
С непогодой справятся любой!
Ты согрей нас жарко, фронтовая чарка,
Завтра ночью снова в бой!

С этой полковой песней под самое утро расходились из клуба летчики...

В распутицу

В полную силу входила весна. К полудню все сильнее припекало солнце, начинали журчать ручьи. Снег посерел и осел, стал рыхлым. Он сохранился лишь в оврагах, в густых лесочках да под стенами домов. Оттаивал жирный украинский чернозем. Дороги днем раскисали, и по ним тяжело было двигаться не только машинам, но и лошадям.

Наш зимний аэродром таял на глазах. По ночам взлетную полосу трамбовали и укатывали, но к концу дня она успевала превратиться в снежную кашу. Больше недели ни один самолет не поднимался в воздух ни днем, ни ночью: для лыж уже не хватало снега, для колес еще доставало твердого грунта. Командование, остро нуждавшееся в оперативных разведанных, оказалось по сути «слепым». Поэтому из дивизии приказали нам выполнить хотя бы два-три разведывательных полета.

Хмурые, летчики сидели в штабе полка и чувствовали себя без вины виноватыми. Я перебирал в памяти случаи моих прежних трудных взлетов, но ничего похожего на [51] нынешнюю ситуацию у меня не было. Встретившись взглядом с командиром полка, я пожал плечами: ничего, дескать, не поделаешь. Командир устало прикрыл веки.

На столе начальника штаба среди различных бумаг лежала толстая книга. «Петр Первый» — прочел я на обложке. Я хорошо знал этот роман. Вспомнился описанный там случай, когда через леса и болота от Архангельска в Ладожское озеро перетаскивали несколько больших кораблей — по прорубленной в дремучих лесах просеке: на катках, с помощью множества лошадей и солдат.

Руки людей смогли переместить через сотни верст морские корабли. А нам нужен всего-навсего снег. Тот самый, которого осталось так мало. Но если его срочно собрать и свезти на нашу раскисшую полосу — можно будет хоть в одну ночь, хоть одному самолету взлететь и выполнить воздушную разведку.

Я поднял голову. Начальник штаба задумчиво водил карандашом по листку, командир полка разминал папироску.

— Разрешите, товарищ полковник! — неожиданно услышал я свой собственный, прерывистый от волнения голос.

— Да, — чиркнул командир спичкой, — говорите.

Волнуясь, несколько нескладно и торопливо доложил о своем предложении. Сказал, что для осуществления моей задумки потребуется много рабочих рук. Можно бы привлечь к этой работе соседние воинские части и гражданское население ближних деревень и за сутки подготовить аэродром к работе.

Надо было видеть, с какой радостью посмотрел на меня командир полка, как оживились участники совещания, как заговорили все враз. Оказывается, и другим приходила на ум та же мысль, но казалась слишком уж нереальной.

План был принят. Составили воззвание к местному населению, назначили агитаторов в населенные пункты. Во второй половине дня к аэродрому уже потянулись телеги, запряженные то лошадей, то быками, а то и коровенкой. Все везли снег. Его доставляли в корзинах, ведрах, волокли по грязи в брезентовых тюках и мешках,

подтаскивали в ящиках. Худенькая девчушка лет пяти с очень серьезным — от сознания особой важности момента — личиком, кое-как вытаскивая из липкой грязи большие, не по ноге сапоги, бережно несла в обеих ручонках помятый солдатский котелок со снегом. У меня невольно [52] подступил к горлу ком и на глаза навернулись слезы...

Солдаты ровняли и трамбовали снег. К началу второй ночи полоса была готова. Длина ее составляла метров сто пятьдесят. Ширина превышала размах колеи самолетной лыжни всего на три метра. Ошибка на взлете по направлению лишь в один градус привела бы в лучшем случае к аварии, в худшем... Про худшее думать не хотелось.

Первый взлет предоставили мне. «Тройку» облегчили до предела, сняв с нее все — от моторного чехла и аварийного бортзапаса до патронов и бомб. С места стоянки до начала снежного покрова самолет протащили буквально на руках, облепив со всех сторон. Машину поставили строго по центру полосы. Носки лыж лежали на снегу, задники опирались на слегка подмерзшую черноземную жижу.

Ночь выдалась на удивление. Было полнолуние. В воздухе ощущался запах оттаявшей пашни. Редкие сероватые клочья облаков распадались у горизонта.

Дал газ — машина ни с места! Довел обороты до взлетных — «тройка» медленно-медленно, как бы нехотя, сантиметр за сантиметром принялась взбираться лыжами на снег. Дал форсаж — самолет рванулся вперед, стремительно наращивая скорость. Для меня в те секунды не существовало ни земли, ни неба — ничего, кроме несущейся навстречу узкой белой полоски. До ее конца оставалось не более десяти метров — я освободил штурвал, и с последнего метра снега «тройка» резво ушла в воздух.

Мягко шелестит мотор. Пустой Р-5 непривычно легко ввинчивается в весеннюю ночь. У патрубков чистым голубым светом мерцают огоньки выхлопа. Приветливо светится картушка путевого компаса, подмигивает зеленоватыми стрелками приборная доска. В кабине спокойно и уютно: так летел бы и летел, ни о чем не думая и не тревожась...

Но хоть и невыразимо прекрасна была та тихая украинская ночь, хотя мирно и совсем не по-военному шелестела винтом моя «тройка», я знал, что в любой миг эта обманчивая тишина может взорваться грохотом зенитных снарядов, брызнуть светом прожекторов, прострочиться цветными стежками трасс «автоматов» и пулеметов.

Однако в тот раз мы прошли по всему маршруту, фактически не встретив противодействия, — нас не ждали. Высмотрели все, что требовалось, все необходимое нанесли на карту и на исходе ночи возвращались к своему аэродрому. [53]

На черном, кое-где начинавшем зеленеть фоне земли далеко виднелась наша рукотворная полоса. Радостно всколыхнулось сердце: цела! Ведь случись, что она растаяла — сесть нам было бы абсолютно негде...

Заходим на посадку на предельно малой скорости. Все ближе земля. Опущенные задние концы лыж нет-нет да и чиркнут по голому грунту, но чуть добавленными оборотами мотора я удерживал «тройку» в воздухе. Старался возможно точнее выйти на центр полосы. Последние метры перед посадкой — самые трудные... Все: убираю газ, успеваю выключить зажигание и перекрыть бензокран на случай аварии.

Разбрызгивая усы мокрого снега, лыжи пошли по полосе. Несколько раз «тройка» готова была встать на нос, но лыжи находили-таки скользкие участки снега, и, замедляя бег, мы благополучно остановились. Увязая в грязи, к самолету бежали люди.

Вылет в ту ночь совершили еще два экипажа — Сокольского и Антонова. Забегая вперед, скажу, что за успешное выполнение поставленной задачи вскоре на наших гимнастерках прибавилось по ордену Красной Звезды, а у наших механиков и техников

— по медали «За боевые заслуги», которые вручил нам командир нашей 262-й авиадивизии генерал Красовский.

...Днем потянул южный ветер, разгулялось не по сезону щедрое солнце, и от нашей снежной полосы ничего не осталось. Весеннее тепло быстро просушило землю, раскрыло почки деревьев, пробудило от зимней спячки корни полевых трав, и вскоре наши машины, теперь уже на колесах, разгоняясь по затвердевшему грунту, снова поднимались в ночное небо громить ненавистного врага.

Вынужденная посадка

Я выхожу из боя. Сброшены бомбы. На земле разгорался пожар — мы бомбили железнодорожный узел противника. В небе над целью распускались яркие цветы разрывов зенитных снарядов. Бессильно металась в поиске самолета бледная при полнолунии лучи прожекторов. Домой, скорее домой!

Настроение отличное: задание выполнено, на развороченных [54] стальных путях горят вражеские эшелоны с топливом, разбит один прожектор, мотор «тройки» работает, как часики, погода идеальная. Хорошо!

— Порядок, командир, курс — 64!

— Молодец, штурман, есть курс 64!

И вдруг минут через пятнадцать без всякой видимой причины начала сильно нагреваться вода. «В чем дело? Обороты минимальные, а температура растет и растет...» И тут слышу доклад штурмана:

— Из расширительного бака выбивается пар!

Теперь понятно: повреждена система охлаждения двигателя. Где-то вытекает вода. Дальше лететь нельзя. В подобных случаях полагалось или прыгать с парашютом или садиться, если, конечно, было куда. Под нами стелились поля с разбросанными тут и там рощами. Поблескивала ленточка какой-то речки. Вдали угадывалось большое село. Отсюда до линии фронта километров двести.

А прыгать уже нельзя — слишком мала высота. Что же, придется садиться в тылу противника. Ничего другого, к сожалению, не оставалось.

Вынужденная посадка ночью, вне аэродрома, на незнакомой местности сама по себе очень опасна, а если она происходит на территории, занятой врагом, то это совсем уж плохо... В таких случаях остается надеяться лишь на благосклонность судьбы...

Настроение сразу испортилось, замаячили в потревоженном сознании грядущие проблемы выхода на свою территорию...

Мы выбрали полянку неподалеку от речки и сели — вслепую, наугад, но удачно. Подрулив к опушке, развернули машину и, насколько хватило силы, задвинули самолет хвостом в густой орешник.

Итак, мы оказались в немецком тылу. Хоть и наша это земля — Украина, но сейчас она занята противником.

Коротко посоветовались: что делать дальше? В первую очередь достали автоматы и запасные диски к ним. Проверили пистолеты, опустили в карманы по гранате, проверили и передвинули на поясах ножи самодельных финок. Вооружились, как говорится, до зубов.

Зеленоватый свет луны придавал земле вид таинственный и загадочный. По-прежнему тихо. Полный, что называется, штиль. Между ближайшей рощицей и рекой стелилась дорога. Возле опушки она сворачивала, огибая край поляны. С дороги наша «тройка» была хорошо видна, [55] однако замаскировать ее двоим явно не по силам.

Занялись мотором. Оказалось, что осколком снаряда пробило четыре соты радиатора. Повреждение небольшое, но в полете достаточное для потери воды в течение четверти часа.

Первая тревога несколько улеглась. Законопатить пробитые соты несложно — нам уже случалось летать с таким наскоро отремонтированным радиатором. Вода рядом. В аварийном комплекте нашлось брезентовое ведро.

Еще раз осмотрелись и прислушались — никаких признаков присутствия людей. Шоссе в оба конца пустынно. Приступили к ремонту. Достав ветошь, я рвал ее на полосы и отверткой заталкивал в поврежденные соты. Вскоре пробитые места были туго затрамбованы тканью. Можно заливать воду.

Летевший на этот раз со мной штурман Николай Нехороших бросился к речке. Притащил, обливаясь потом, одно ведро, другое. Быстро подвигается дело, но и темное время суток на исходе. Мы и не заметили, что стало совсем светло. Вот-вот взойдет солнце — ведь июньские ночи так коротки...

Неожиданно из-за деревьев донесся разговор. Говорили по-немецки, громко смеясь. Я кубарем скатился с мотора. Затаились в густом орешнике у самого хвоста самолета. Автоматы к бою, кобуры пистолетов расстегнуты, гранаты заткнуты за пояса. Старались даже не дышать.

На дороге показались два велосипедиста. Солдаты. На багажниках привязаны ранцы и шинельные скатки. За плечами «шмайсеры». Едут не спеша, весело переговариваются.

Мы замерли. Может, не заметят, проедут мимо? Нет, заметили! Сошли с велосипедов, взяли автоматы на изготовку. Начали осторожно приближаться к самолету.

«Что же делать? Как поступить? — лихорадочно мелькали мысли. — Уничтожить фрицев можно всего двумя выстрелами. Ну, а если за ними еще едут или идут? Нет, шум поднимать нельзя».

Немцы молча составили велосипеды один к другому. Осмотрелись. Подошли к самолету, подергали за винт. Один неуклюже взобрался на крыло, заглянул в кабину. Вернулся к напарнику, который с удивлением рассматривал красную звезду на киле.

Нас разделял только куст орешника. До ближнего немца всего каких-нибудь три шага, не больше. Сердце бешено колотится, кажется, что его стук подобен грохоту [56] парового молота, но немцы почему-то этого не слышат...

Внимательно осмотревшись и не заметив ничего подозрительного, солдаты успокоились. Перебросились несколькими фразами. Один достал зажигалку, щелкнул и поднес язычок пламени к обшивке крыла. Не получилось. Тогда он тесаком вспорол полотно, свернул его трубочкой, вновь взялся за зажигалку.

Спокойно смотреть на такое издевательство над «тройкой» оказалось выше всяких сил. Я кивнул штурману — пошли! Один немец был сражен моей финкой. Второй рухнул безжизненно к ногам штурмана от удара кулаком.

Николай Нехороших перед войной закончил институт физкультуры имени Лесгафта в Ленинграде. Ростом почти два метра, великолепный боксер. Пустить в ход финку он не решился. Никогда раньше этого делать не приходилось. Кулак — дело другое, привычное. Ну а я вспомнил свою службу в пехоте, где в рукопашных схватках с гитлеровцами приходилось «работать» и ножом.

Все произошло мгновенно и бесшумно. Один велосипедист убит наповал, другой глотает воздух, находясь в глубоком нокауте. Забрали у них оружие. Показываю на оставшегося в живых немца:

— Связать!

Снятыми с обоих солдат брючными ремнями Николай стянул ему руки и ноги. И тут немец пришел в себя. С ужасом в мутных глазах переводил взгляд с убитого напарника на весьма внушительную фигуру штурмана. Начал часто-часто икать...

Штурман посмотрел на гитлеровца с нескрываемым презрением:

— Что дальше, командир? Здесь оставаться нельзя. Тем более с ним. Лететь тоже нельзя...

В самом деле, взошло солнце, а пересекать линию фронта, да и вообще лететь днем над вражеской территорией на нашем тихоходном Р-5 равносильно самоубийству. Но и здесь оставаться до ночи никак нельзя: рядом дорога и село.

Из двух зол решил выбрать меньшее.

— Летим, штурман. Как говорится, бог не выдаст, свинья не съест. Попробуем проскочить. Этых в кабину, велосипеды в багажник. Ведь из-за них могут и местных жителей пострелять, немцы в таких делах скоры на руку.

Запущен отремонтированный мотор, взлет — и «тройка» [57] понесла нас к линии фронта, в сторону дома. Шли бреющим полетом, буквально втискивая машину в каждый попутный овраг, в русла встречных ручьев и речек. Временами колеса шасси сбивали верхушки кустарников. Населенные пункты обходили стороной.

И вот она — линия фронта, Днестр! Мотор на форсаже. Прижались к рыжей глине окопных брустверов. Ушла под крыло серебряная лента реки — наконец-то «тройка» над нашей территорией!

А еще через час я докладывал в штабе полка обо всем происшедшем с нами в ту тревожную ночь.

Пленного после допроса отправили в дивизию, а велосипеды мы подарили мальчишкам хозяйки, у которой квартировали.

Цена ошибки

В полк прибыло пополнение. Три летчика и три штурмана. Сержанты, окончившие училище. В нашу эскадрилью попали летчик Сорокин и штурман Дударев. Сегодня я должен «вывозить» Дударева. Задание простое: бомбить передний край вражеской обороны. Весь полк будет действовать на узком участке фронта. Такие изматывающие немцев бомбежки продолжаются обычно всю ночь. Непрерывно висят над позициями противника слепящие «САБы» — световые авиабомбы, мы засыпаем окопы гитлеровцев осколочными бомбами и поливаем пулеметным огнем.

Дударев уже имел несколько боевых вылетов, страшно этим гордился и старался выглядеть этаким «старым воздушным волком». Он перестал бриться, решив отрастить для солидности усы и бороду. «Старики» давно переболели подобным поветрием, когда их физиономии украшали реденькие усишки да лохматенькие бороденки. На безобидные причуды новичков в полку смотрели снисходительно, знали, что пройдет немного времени и сами собой исчезают все волосяные атрибуты.

Приближалось время вылета. Кроме штатного комплекта бомб в такие полеты обычно брали по несколько десятков однокилограммовых бомбочек, укладывая их прямо на пол штурманской кабины. Над вражеской передовой [58] штурман сбрасывал их руками. Способ, конечно, самый примитивный, но вполне себя оправдывающий: немцы несли ощутимые потери в живой силе от действия этих маленьких злочек, разрывающихся на тысячи смертельно разящих осколков.

Впрочем, занятие это — возить в кабине под ногами насыпом сотню осколочных бомб считалось хлопотным и небезопасным. Да и способ их сбрасывания, честно говоря, не вызывал особого восторга. Приходилось обращаться с бомбочками почтительно и даже ласково — как столь опасный груз этого и заслуживал.

В полете Дударев без умолку говорил и говорил, желая, видимо, показать мне, как много он успевает заметить на земле. Не очень-то разговорчивый по натуре и привыкший часами молчать в полетах со своим постоянным штурманом Николаем Нехороших, я был несколько раздосадован потоком темпераментной речи сержанта. Но

приходилось терпеть... Впрочем, я понимал истинную причину возбужденного состояния новичка.

Подошли к линии фронта. Зенитные автоматы врага не знают покоя: вверх, к самолетам, тянутся их огневые трассы, освещая небо разноцветными, в общем-то, красивыми, но таящими гибель шариками снарядов. Все время надо быть очень внимательным: наводчики «эрликон» дело свое, к сожалению, знают. Чуть зазевался летчик — и беспощадная очередь разорвет привычно ровный гул мотора. Не сумел вырваться из огневого кольца — не видать тебе грядущего рассвета...

Я вел самолет по просекам и лужайкам огненного леса, показывал штурману лучшие способы прицеливания для сброса бомб и обстрела окопов. Машина освободилась от тяжелых фугасок — два «эрликона» выбыли из реестра огневых средств противника. Дударев сбросил и сотню осколочных малюток. Расстреляв боезапас пулеметов, мы вернулись на аэродром, чтобы заправиться и взять на борт новый бомбовый груз.

Последний, третий, вылет начался далеко за полночь. Я гнал машину на повышенной скорости, выкраивая из ночи минуты оставшегося в обрез темного времени. При подходе к передовой небо заметно посветлело. Отбомбившись, легли на обратный курс и на малой высоте пошли домой в предутреннем сумраке.

Его уже было видно — родное летное поле, как вдруг в переговорном устройстве раздался взволнованный голос штурмана: [59]

— Товарищ командир, у меня в кабине осталась одна бомбочка. Закатилась под сиденье, и я ее не увидел...

Дударев был расстроен до слез. Он держал в руках ту чертову малютку, проклиная себя за успокоенность и невнимательность. Он знал: производить посадку, имея на борту хоть одну такую бомбу, категорически запрещалось — весь боезапас обязательно должен быть сброшен на гитлеровцев, только на них, весь, без исключения. Сбрасывать бомбы на своей территории считалось преступлением.

Круто развернувшись, добавив мотору обороты почти до взлетных и ни слова не говоря удрученному штурману, я погнал машину на бреющем полете назад. «Вот раззява. Болтает в полете, как сорока, а на главное внимания не хватило. Ну да ладно, паренек-то он, в общем, неплохой: не трус и честный, не побоялся сказать об этой проклятой бомбе. Будет ему эта оплошность уроком на будущее».

Наступило утро. Мы проскочили Днестр, разделяющий наши и вражеские части, и я сразу же взял машину в крутой разворот, скомандовал Дудареву:

— Бросай, штурман!

Дударев разжал выставленную за борт руку — бомбочка исчезла на фоне бешено вращающейся земли.

На нашу территорию уходил на форсаже, при полном свете дня. Мы уже проходили свой, левый берег, как, спохватившись, ударила вдогонку короткая очередь «эрликона». Машина вздрогнула, ручка управления резко дернулась. Почти физически ощутил я ранение самолета.

Следующий миг принес звуки разрывов в хвостовой части и в стороне правого крыла. Началась тряска. Стараясь удержаться в воздухе, слегка освободил ручку, и подбитая машина, пока послушная управлению, поднялась на высоту около двадцати метров. Повторных очередей не последовало — наш Р-5 скрылся из видимости наводчиков «эрликона».

Я осмотрелся. Снарядом развернуло хвостовое оперение, правую его половину почти полностью оторвало, и ключья обшивки трепало струей воздуха. Порывы на крыльях и хвосте увеличились. Казалось, машина готова раздеться, сбросить с себя тонкое полотно обшивки.

Дударев забился в угол кабины и, ухватившись за пулеметную турель, не отрывал расширенных сознанием обреченности глаз от правого крыла, на котором все шире [60] расплзались рвущиеся щели. У меня шевельнулось теплое, почти отцовское чувство к парню.

— Ничего, штурман, пока летим. Скоро аэродром!

Дударев при этих словах ожил, начал осматриваться.

«Ну вот, зашевелился, теперь придет в себя, — подумал я, усмехнувшись, и тут же ахнул: ось шасси оказалась перебитой. Для полного набора несчастий нам не хватало только этого. — Придется садиться на пузо».

Удивительная все-таки машина Р-5: с такими повреждениями никакой другой самолет не удержался бы в воздухе, а этот фанерный, обтянутый полотном, в самом истерзанном виде летел целых сорок минут и донес до аэродрома экипаж — в целостности и сохранности.

Кстати, усы и бороду Дударев сбрил в тот же день и никогда больше их не отращивал...

Подарки

В штаб дивизии прибыла делегация от авиационного завода, который шефствовал над нашим полком самолетов Р-5. Гости привезли подарки. Вручить их решили на торжественном вечере в честь 7 ноября. Завод был небольшой, и в полку хорошо знали почти всех рабочих, как и те знали многих «своих» летчиков, штурманов, механиков.

В числе делегатов находилась Леночка — жена лейтенанта Соколова. Летом сорок второго года прибыл на завод получать самолет молодой летчик Саша Соколов. Здесь и познакомился он с Леной — веселой и ласковой девушкой. Они подружились, и вскоре дружба переросла в любовь. В следующий его прилет они стали женихом и невестой. Свадьба прошла шумно и радостно. А потом у Соколовых родилась дочка, тоже Леночка. Лейтенант, еще не видевший дочери, с нетерпением ожидал случая слетать к семье.

Решив преподнести мужу приятный сюрприз — неожиданно-негаданно появиться в полку, — Лена не стала сообщать ему, что ее включили в группу делегатов.

В штабе дивизии заводчан накормили, устроили на ночевку и пообещали утром доставить в полк. Лена попросила разрешения, если это возможно, поговорить с [61] мужем по телефону. Дивизионный связист принялась дозваниваться до полка.

...У Соколова русые волосы, озорные карие глаза, полноватая фигура. Неспешная, вразвалочку походка. Он неизменно спокоен и добродушен. Летает чисто, дерется с азартом.

В шумной штабной землянке, получив свое задание, Саша обсуждал со штурманом Димой Ходаевым детали предстоящего полета, когда прозвонил телефон. Начальник штаба, сняв трубку, удивленно поднял бровь:

— Да, здесь. Минуточку. Соколов, вас к телефону!

Окликнув Сашу, он с любопытством посмотрел на него. Звонили из дивизии. Какие это дела, интересно, могут быть у лейтенанта в штабе дивизии...

— Меня? — переспросил, тоже не менее удивленный, Соколов.

— Да-да, вас.

— Лейтенант Соколов слушает! — проговорил Саша, подойдя к аппарату.

Вдруг лицо его побледнело, он растерянно затоптался на месте, пытаясь как-то поудобнее прижаться к телефонной трубке.

— Лена, ты... Из дивизии? С делегацией? Вот здорово, молодец! Подарки, говоришь, привезли? Доберетесь к нам утром? Отлично, я тут разок слетаю и буду

ждать тебя. Не задерживайся там, приезжай скорее. При встрече наговоримся. До завтра, Лена, до завтра!

Положил трубку и замолчал, счастливо ошеломленный. В землянке стало тихо.

— Так это же Леночка Соколова, ребята! — раздался чей-то голос, и тут же поднялся шум: сияющего Сашу поздравляли, хлопали по плечам.

Перед вылетом я подошел к нему:

— Саня, ты там полегче сегодня, не зарывайся. Договорились?

— Понял вас, товарищ старший лейтенант. — Он повернулся и вышел из землянки.

Цель в ту ночь для всех поставили одну — прикрытый мощной системой ПВО вражеский аэродром. Я вылетел первым. Моя задача — раззадорить врага. Пусть включают прожекторы, откроют огонь из зениток. Тем, кто идет за мной, будет видно, где и как лучше прорваться к цели, минуя губительный огонь. Экипажи во тьме не видели друг друга, но знали: впереди и сзади с небольшим [62] интервалом идут к цели машины. Много машин, весь полк.

Темноту впереди проткнули бело-голубые лучи, воздух прочертили трассы зенитных «автоматов», засверкали багровые разрывы тяжелых снарядов. Постепенно в бой втянулся весь полк. Брызгая раскаленным металлом, бесновалось небо. Землю сотрясали взрывы бомб. На стоянках горели немецкие самолеты. В стороне растекалось пламя. Бомба угодила прямо в бензохранилище. Служебные дома за аэродромом тоже объята пожаром.

Время от времени самолеты попадали в свет прожекторов, но быстро ускользали из этих щупальцев. Я ходил на нижнем ярусе — обстреливал тех, кто держал в луче самолет.

Отбомбившись, одна за другой машины уходили домой. Потерь пока не было. Но вот в перекрестье лучей блеснул самолет. К нему потянулось еще несколько столбов слепящего света. Все зенитки перенесли огонь на эту единственную цель.

Самолет метался, окруженный сплошными вспышками разрывов. Прожекторы передавали его из луча в луч. Все плотнее сжималось огненное кольцо, в центре которого носился, сверкая лаком, одинокий Р-5.

Экипажи, еще не ушедшие к себе на базу, сбрасывали световые бомбы, стараясь помочь попавшему в беду товарищу — ярким светом ослепить зенитчиков, сбить их с прицела.

Но было поздно. Несколько пушечных трасс пересеклись в одной точке. Возникло падающее пламя — это горел хлынувший из взорванных баков самолета бензин, устремляясь к земле рыжим, зыбко коптящим занавесом. Оторванное крыло сверкающим мотыльком неспешно поворачивалось в прожекторном свете, вычерчивая в падении причудливую траекторию. Лишенная крыла машина вошла в крутую спираль, стремительно раскручиваясь и разваливаясь в воздухе. Все было кончено.

Висевшие над вражеским аэродромом «эр-пяты» снизились, яростно били из пулеметов по зениткам и прожекторам, в упор сбрасывали на них оставшиеся бомбы. Гибель экипажа видели все. Оставалось одно: жестоко отомстить за павших в бою товарищей.

...Близился рассвет. Побледнели звезды. Лощины и овраги наливались туманом. Земля лежала тихая и поникшая. Но кого настигла смерть? Чей самолет, оставляя [63] дымный след, прожег ночное небо в своем последнем полете?

Приземлившись последним, я направился к штабной землянке. Вошел, молча оглядел собравшихся там летчиков.

— Соколов?

Все скорбно склонили головы.

А утром, как и обещали, прибыли делегаты с подарками. Они еще ничего не знали о событиях минувшей ночи. Весело и беззаботно переговаривались, радуясь концу длинного и утомительного пути, откровенно, по-хорошему завидовали Леночке — сияющей и заметно возбужденной в ожидании предстоящей встречи с мужем...

Вот так и кончилось их недолгое счастье, промелькнула, как сон, их короткая и светлая любовь.

Сильва

Она приблудилась к нам в начале зимы сорок четвертого года. Мы стояли в небольшом селе неподалеку от районного центра Барвенково. Однажды на заднем дворе полковой столовой появилась маленькая, очень голодная и невообразимо грязная собачонка с наглухо зашитым ошейником, на котором поблескивало колечко для поводка.

Вокруг кухни нередко появлялись бездомные собаки. Мы, чем могли, подкармливали их: проходило несколько дней, и у каждой из них появлялся свой покровитель, который признавался за хозяина. Но в самой собачьей компании мира не было. Сильный обижал слабого и отнимал пищу, а слабый мог лишь скалить зубы и, в лучшем случае, тихо удалиться, сохраняя видимость некоторого достоинства.

На незнакомку первым обратил внимание Алексей Атаманов. Он любил животных и слыл в полку заядлым собачником. Невероятно худая, кожа да кости, с большими черными глазами, собачонка прижалась к земле за кучей дров и напряженным взглядом следила за крупными дворнягами, жадно поедающими из корыта остатки обеда. Она понимала, что стоит посягнуть ей на святая святых — пищу, она будет мгновенно растерзана. [64]

Алексей вынес ломоть хлеба, густо намазанный тушенкой. Собачонка сначала пугливо отступила, но неотразимый для голодного существа запах заставил ее медленно, с поджатым хвостом и готовой в любой момент дать тягу, все-таки подойти и робко взять пищу. Стая предприняла попытку рвануться к ней, но штурман не допустил разбоя, и собачка посмотрела на него благодарно и преданно.

Этот взгляд и решил ее судьбу. Выкупанная и расчесанная, она сутки проспала на одеяле в ногах Атаманова, а проснувшись, уселась и уставилась на него влюбленными, ну просто человеческими глазами!

Она быстро поправилась. Шерсть стала белой и лоснящейся. У нее оказался очень покладистый характер, мы считали ее своей, полковой, собакой и общим другом. Она же, будучи со всеми в добрых отношениях, признавала хозяином только Алексея.

Атаманов дал ей кличку Сильва, и она, удивительное дело, сразу же на нее отозвалась. Может, именно так звали ее в прошлом. У Сильвы проявились артистические таланты: она умела ходить на задних и передних лапках, кувыркатся через голову, уморительно раскланиваться, стоя на задних лапках, посылать «воздушные поцелуи», прижав одну лапу к груди. Многому успел обучить смышленную болонку штурман, прежде чем мы перебазировались на другое место.

Перелетали мы на новый аэродром звеньями, на бреющем полете в строю клина. Сильва, вначале забившаяся в уголок за штурманское сиденье, вскоре осмелела — вспрыгнула Леше на колени, а потом поставила передние лапы на край открытой кабины и с удивлением смотрела на мелькающие внизу окрестности, недоуменно поглядывая на хозяина: мол, что же это такое, почему мы с тобой на месте, а земля с травой, с деревьями, речками и домами уносится куда-то назад.

Штурман гладил ее, нашептывал что-то ласковое в мохнатые, поднятые торчком ушки. Она успокоилась и стала с заинтересованностью следить за правым ведомым самолетом, идущим от нас в нескольких метрах. Машины побалтывало, и, когда

ведомый чуть-чуть поднимался или опускался, Сильва принималась звонко лаять, как бы требуя строгого соблюдения места в строю.

Она стала провожать нас в полеты, а потом ожидала на стоянке рядом со старшим техником Акимовым и не спускала глаз с горизонта, за чертой которого исчез наш [65] самолет. Так и сидела: не уходя с места, не меняя позы, ни на что не реагируя — вплоть до нашего возвращения.

— Короткошерстные болонки, — с гордостью говорил Алексей, — самая преданная человеку порода. Не вернусь я с задания — она жить не будет. Порода такая, верная до смерти.

Вскоре он стал брать ее и в боевые вылеты.

Однажды мы метались в прожекторах. Несколько слепящих лучей цепко держали «тройку». Немецкие зенитчики лезли из кожи вон, стараясь попасть в сверкающую каплю нашего самолета. Внизу горел город Галац — порт нефтяного оазиса врага, подожженный нашими бомбами. Мотор то надрывался в форсажном визге, то менял его на легкий свист при пикировании в противозенитных маневрах. И вот в одно из мгновений, когда мы вырывались из-под обстрела, я вдруг услышал за спиной заливистый, kloкочущий яростью звонкий лай собаки.

Это была Сильва. Стоя на столике штурманского компаса и опираясь на кольцо турели, она остервенело лаяла на лучи прожекторов, на каждый пролетающий рядом снаряд.

Мы отбомбились и почти вышли из зоны обстрела, когда рядом разорвался шальной снаряд «эрликона». Сильва упала к ногам Атаманова. Штурман подхватил ее на руки — белый, еще теплый комочек был уже мертв. Осколок насквозь пробил ее маленькую головку.

Мы похоронили ее на нашей стоянке...

Ольгины «подснежники»

Снежным и холодным выдался январь сорок четвертого. Летная погода — редкость. На одном из полевых аэродромов 3-го Украинского фронта базируются сразу два полка: истребительный — на Яках, и наш — ночной бомбардировочный на самолетах Р-5. Стоянки в противоположных сторонах заснеженной поляны, рулежные дорожки у каждого полка свои, а взлетная полоса общая. И живем в одном селе.

Хозяйство тоже единое, даже столовая, хотя ходить [66] питаться приходится по очереди. Ну и клуб, конечно, общий. Когда кино привезут или танцы под патефон устроят — все поровну, никто не в обиде.

Истребители — народ молодой, веселый и задиристый. Но со странностями — любят почесать языки и перемять косточки любому, кто попадает в зону их внимания. Впрочем, дрались они здорово, за себя постоять умели и врагу спуску не давали. Странности же объяснялись довольно просто: то был женский истребительный полк.

Ночники, напротив, в большинстве своем люди степенные, неторопливые. Под стать их тихоходам. На поджарые Яки посматривали несколько снисходительно и даже с долей шутливой пренебрежительности: что, мол, за машины — непонятно, так, шило какое-то...

Однако если случалось им увидеть днем схватку соседок с «мессерами», то страшно волновались и готовы были броситься на помощь даже на своих ночных бомбардировщиках. После окончания боя, когда Яки благополучно занимали места в капонирах, у мужчин только и разговоров было, что о геройстве женщин.

Если честно, то ночники даже немного побаивались своих задиристых соседок, точнее, их острых язычков и язвительного смеха. Без подначки да без шутки девушки-истребители шагу не ступали, подтрунивая над сильным полом:

— Тоже мне авиация... Еще царь Додон, говорят, на таких динозаврах летал, а вы до сих пор расстаться с ними не можете! Живете как-то не по-людски: когда спать полагается — вас носит где-то нелегкая. Выдалось время погулять или на природу полюбоваться — дрыхнете, словно медведи в берлогах. Одно расстройство нам с такими соседями...

Но, когда глухой метельной ночью, заглушая вой штормового ветра, прогудит над крышами взлетевший Р-5, поднимались девчата с постелей и долго не смыкали глаз: куда же понесло соседей в такую непогоду да темень. Метеоусловия — невозможные для полетов, а они — летают, хоть и машины у них не первой молодости, да и радио не имеют. Одно слово — летчики!

Вот так, при великом уважении друг к другу, но не упуская случая подпустить шпильку, и жили на одном аэродроме два полка, спаянные фронтовой дружбой и единой целью — бить врага.

Между тем кончался январь. Ослабели снегопады, усилился мороз. Снег на взлетной полосе выровняли и [67] прикатали, и оба полка принялись работать в полную силу.

Однажды утром, вернувшись с выполнения задания и зарулив на стоянку, я услышал вой сирены. Боевая тревога! Бросился было к штабной землянке, но добежать туда не успел: из-за леса вынырнули десятка два бомбардировщиков «Мессершмитт-110».

Вместе со штурманом я скатился в ближайшую щель. Немецкие самолеты выстроились кругом — и началось. Соблюдая очередность, бомбовозы «клевали» носом, пикировали, сбрасывая свой смертельный груз. Один самолет выходил из пике и пристраивался к кругу. За ним пикировал следующий, и казалось, не будет конца их проклятому завыванию.

Мы вжимались, как могли, в дно щели. Сверху сыпалась мелкая колючая крошка, поднятая взрывами. Что скрывать, было жутковато. И вдруг в кабафонию бомбежки примешался совсем посторонний звук... Я выглянул наружу. Все на аэродроме визжало, выло и стонало. Землю встряхивало, как на решетке. Повернулся в сторону капониров женского полка и не поверил своим глазам.

— Штурман, Яки взлетают!

Прямо со стоянок, окутавшись облаком снежной пыли, взлетали среди взрывов два истребителя. Они поднялись, мгновенно убрали шасси и, набрав скорость, свечой бросились вверх.

В следующую же секунду два «мессершмитта», шедшие в строю общего курса, повалились с распоротыми животами на крыло и, охваченные дымным пламенем, рухнули. Высоко взметнулись столбы дыма, огня и снега. Следом донеслись два глухих взрыва — последний «привет» от бывших экипажей гитлеровских машин.

Не теряя времени, Яки еще раз врзались в круг бомбардировщиков — и еще два вражеских самолета пошли вниз, разваливаясь в воздухе. Два новых снежных всплеска поставили точки в биографии немецких летчиков.

«Сто десятые» заметались. Беспорядочно сбросили бомбы. Стягиваясь к своему флагману, начали разворачиваться на запад. Несколько самолетов замешкались над аэродромом — Яки рванулись им навстречу и сбили еще одного.

— Командир, это же машины Савиной и Смирновой!

В каждом полку были свои «старики». Не по возрасту, конечно, — по опыту. У истребителей — Ольга Савина, темноволосая, стройная и необыкновенно

привлекательная. [68] В обычной жизни хладнокровная и спокойная, в бою становилась неистовой, смелой до самозабвения, мгновенно реагирующей на изменения обстановки и не знающей промахов в стрельбе. Ее напарница Катя Смирнова была под стать ведущей. Такого же непреклонного характера, языка острого и язвительного, в быту — недотрога и ревнивица, особенно когда дело касалось знаков внимания, оказываемых ее командиру, а в бою — настоящая фурия.

Я тоже разглядел желтые цифры 11 и 12 на зеленых бортах, узнал почерк этой пары. Как бывшего истребителя меня всегда восхищала слетанность Савиной и Смирновой, чистая техника пилотирования и неудержимая ярость молниеносных атак.

Яки вновь круто взмыли. Коротко простучали их пушки, и замыкающий «мессершмитт» взорвался, зарывшись в снег.

Взлетели еще две пары Яков, бросившись вдогонку удирающим немцам. Прошла над аэродромом группа краснозвездных истребителей из расположенного неподалеку полка, и до нас донеслись вскоре звуки пушечных очередей и глухие удары о землю сбитых вражеских самолетов. Воздушный бой кончился.

Стало неожиданно тихо-тихо. Я выбрался из щели. На стоянке горел один самолет Р-5. Окруженные огнем и паром тающего снега догорали на дороге две разбитые полторки. Выяснилось, что у нас в полку убило трех человек — двух бойцов роты охраны и механика Непрядова. Если бы не гибель людей, потери можно было считать незначительными. Немцы изрядно «мазали», грохота выходило много, а толку получилось мало. Наши зенитчики хоть никого и не сбили, но и не дали возможности противнику бомбить прицельно. Немцы шарахались от зенитного огня и бросали бомбы «на глазок», лишь бы сбросить.

День понемногу брал свое. Выше всплывал над горизонтом тусклый диск солнца. Тонкая облачная пелена, перемешанная со снежной пылью, поднятой взрывами, противилась холодным солнечным лучам. Серым получалось утро.

Прибыли назад Яки. Все шестеро. Ночники обрадованно вздохнули.

На исходе дня вместе с Ольгой Савиной я возвращался с похорон погибших при бомбежке товарищей. У девушек сразило осколком оружейницу Надю Крылову, не успевшую укрыться в убежище. Скверное было настроение. [69] Шли молча. Возле дома Савиной остановились. Я закурил:

— Слушай, Ольга. Я видел ваш вылет с самого начала. Мы со штурманом сидели в щели, как захлопнутые в мышеловке. Это черт знает что: на фронте с первого дня войны, а привыкнуть к бомбежке никак не могу. Честно, опасаясь ее больше любого боя. А вам все нипочем: и взлетели красиво, и дрались здорово. Помнишь, когда ты срезала первого «мессера», пристроился к хвосту твоего самолета какой-то немецкий кавалер, и если бы не Катя — не стоять бы тебе со мной на этом месте.

Черными угольками благодарности полыхнули ее глаза:

— Ты прав, Лева. У меня Катенька — чистое золото.

Посыпался сухой колючий снег. Усилился ветер. Посвистывая, потянулись по земле змеи поземки.

— Ничего, Оленька, — унтом я вдавил в снег окурок. — Сегодня же ночью мы рассчитаемся за погибших. Вдобавок к твоим «подснежникам».

Я кивнул в ту сторону, где развороченная одним из сбитых «мессершмиттов» земля чернела незажившей язвой на сером январском снегу.

Охота за «невидимками»

Ранняя в тот год весна обрушилась на Украину затяжными дождями вперемешку со снегом, штормовыми ветрами, утренними заморозками и дневной распутицей. Такая погода превратила дороги в районе боевых действий в непролазную трясиину. Многие

аэродромы оказались выведенными из строя ввиду непригодности взлетных полос. Наземных путей снабжения войск практически не стало. Единственной артерией, которая могла снабжать армию, была железная дорога. Но ее сеть после отступления противника во многих местах оказалась начисто разрушенной. Эту варварскую работу немцы выполняли с помощью специально предназначенной для таких целей техники.

Сведений о ней было немного. Разрушителей стального пути мало кому приходилось видеть, их строго охраняли. Каким-то чудом партизанам удалось сфотографировать [70] эти механизмы на стоянке, а затем переправить пленку на нашу сторону.

Нам показали те фотографии. На грузовой платформе, загруженной песком, был укреплен сваренный из броневых листов громадный крюк, похожий на якорную лапу. Между этой платформой и паровозом находились еще три платформы с зенитными пушками — «автоматками», с двумя счетверенными пулеметами, а также вагон для команды поезда. Мощный паровоз передвигал всю эту «бандуру».

Крюк заводился под середину шпал, и, когда паровоз тянул состав, шпалы ломались пополам, полотно дороги срывалось с насыпи, а рельсы сворачивались в кольца и рвались. За десять часов броневой крюк успевал уничтожить до ста километров путей! А у немцев он не один. Разведка доносила, что на разных участках остаются следы губительной «корчевки».

Механизмы существовали, действовали, но обнаружить их было невозможно. Работали эти «невидимки» по ночам, а если днем, то под прикрытием густых туманов, низкой облачности или сильных снегопадов.

Командование поставило задачу: в кратчайший срок найти все до единого путеразрушители и уничтожить. На дневную охоту за ними определили штурмовики Ил-2, ночью поиски поручили нашему полку.

Всю железнодорожную сеть на территории, занятой противником, разделили на участки, которые «закрепили» за тем или иным экипажем. Мне достался большой и довольно сложный маршрут Херсон — Николаев — Знаменка — Кировоград, общей протяженностью около восьмисот километров. Есть где развернуться, только смотри в оба!

А погода, как я говорил, не баловала. Несколько суток подряд небо затянуто низко провисшими тучами, не переставая, сыплет холодный дождь, всюду разгулялся порывистый ветер. Ночи темные-претемные, узкому серпику луны слабеньким своим светом не пробиться сквозь толщу облаков. Словом, видимости никакой, да ведь к тому же еще состав путеразрушителя наверняка тщательно замаскирован.

Мы регулярно утюжили свои квадраты вдоль и поперек, пуская под откос встречные вражеские эшелоны, но главную цель — броневой крюк — так и не встретили. Не было, впрочем, видно и следов его работы.

Наш 3-й Украинский фронт начал, невзирая на распутицу, [71] наступление. Теперь надлежало особенно внимательно следить за железной дорогой, ибо отступающим немцам самое время приспело пустить в ход свою дьявольскую технику.

Очередная ночь порадовала некоторым улучшением погоды. С высоты ста метров дорога просматривалась как на ладони. До Херсона оставалось километров десять, я уже собирался обходить город, чтобы выйти на Кировоград, когда четкая линия железнодорожного полотна внезапно исчезла. Мы видели продолжение насыпи, но не блестели на ней ниточки рельсов, не тянулись лестничные перекладки шпал — дальше вся насыпь была чудовищно изрыта.

То была работа «невидимки».

Снизились почти до самой земли. Я отошел немного правее, чтобы лучше видеть линию. По краям насыпи громоздились искореженные рельсы и поломанные шпалы. Обогнули небольшой поворот дороги и...

— Командир, вон он, вон он!

— Спокойно, штурман: вижу. Заходим с курса.

— Понял, заход с курса!

Состав — «невидимка» — стремительно приближался. Я успел рассмотреть необычайно длинный паровоз, несколько платформ и две теплушки. Щелкнули замки, и, сорвавшись с держателей, ринулись вниз бомбы. Эшелон мы проскочили на форсаже. Следующая секунда принесла ударные волны взрывов. Их басовитая серия перемежалась короткими лающими звуками звонко рвущихся «ПТАБов» — маленьких, но необычайно сильных противотанковых бомбочек.

Развернулись. Штурман, больше «для порядка», прострочил пулеметными очередями по останкам разрушителя. Из паровоза, лежащего на боку и окутанного белым облаком, била вверх струя пара с кипящей водой. Вагоны и платформы громоздились друг на друга, выставляясь из общей кучи то крышей, то задранными вверх колесами.

— Молодец, штурман!

— Спасибо, командир!

Возвращаясь с задания, мы пока не знали, что в ту же ночь Антонов вместе со штурманом Нестеренко уничтожили еще один разрушитель пути — на линии Херсон — Одесса.

Уходила под крыло весенняя земля, ровно шелестел мотор да посвистывал за бортом «тройки» изорванный винтом ночной ветер... [72]

Туман

Много позже после войны стал я однажды свидетелем разговора о том, что такое судьба и есть ли она на самом деле. Особенно кипятился совсем молоденький парнишка, радист: мол, вера в какую-то судьбу — пережиток прошлого, вековой неграмотности и даже религиозного мракобесия. Все в мире, утверждал он, совершается по строгим законам природы, а если что и кажется необъяснимым и непонятным, то это исключительно из-за незнания этих самых законов. Так что всякое там предназначение судьбы, рок или фатум — одна мистика.

Я тогда в споре не участвовал, но в конце разговора, как бы невзначай, напомнил как информацию к размышлению старинную английскую поговорку: «Кому суждено быть повешенным — тот не утонет». А сам мысленно вернулся в тот невообразимо далекий март последнего года войны, когда возвращался я ночью домой, выполнив боевое задание.

Еще за линией фронта заметил, что землю начало затягивать туманом. Пока дошел до своего приводного светомаяка, внизу уже не было видно ни зги. Ночь была темная, без луны, и сквозь туман посверкивал от нашего сигнального прожектора бледный, едва заметный лучик голубого света.

Для дезориентировки противника этот световой маяк — зенитный прожектор на довоенной машине ЗИС-5 — стоял в двадцати километрах от летного поля. Условным сигналом в ту ночь были «две воронки, три пилы»: через определенные промежутки времени дважды крутился луч под углом к зениту и трижды двигался по горизонту, поднимаясь и опускаясь.

Вышел я от маяка на аэродром. Оттуда выпустили три красные ракеты: посадка категорически запрещена! Так и летал я больше часа между маяком и укрытой, как

ватным одеялом, аэродромной полосой, а туман только гуще становился, растекаясь уже на сотни километров окрест.

Кончался бензин. В подобных случаях полагалось оставлять машину и спасаться на парашюте. Но как же можно бросить свою верную «тройку», столько раз выносившую меня из передряг, да еще из каких! Не решился. Пожалел самолет. Штурман пусть прыгает, а я попытаюсь [73] сесть. Где наша не пропадала! Тут и пословицу ту вспомнил, английскую. Сразу успокоился — так бывает, когда решение примешь единственное и бесповоротное.

Набрал высоту, приказал штурману покинуть машину, а он:

— Без тебя, командир, не прыгну. Вместе так вместе, до конца.

Штурман — мужик в таких случаях упрямый, спорить с ним бесполезно. И пошел я на снижение. Местность в этом районе — рощи, лесозащитные полосы, небольшие речки, деревеньки да хутора. Немало оврагов. Попадались и поля, нередко изрытые окопами; подбитой техники на тех полях наворочено — танков, самоходок, пушек... Словом, возможностей свернуть себе шею хоть отбавляй.

Подобрав газок, «подвесил» я «тройку» на самой малой скорости. Снижаюсь. Вошел в туман — словно в сметану окунулся, даже крыльев не видно. Напружинился — жду удара о землю.

Слышу: зачиркали лыжи по снегу! Выключил, чтобы не загореться при аварии, зажигание, перекрыл бензин. Добрал ручку управления. Чем кончится, чем сердце успокоится? Прокатилась наша «троечка» по снегу и остановилась. Долго мы сидели с Николаем в своих кабинах, не шевелясь. Тишина успокоила, сошли на снег, плясали от радости, «тройку» гладили, дескать, какая умница — сама отыскала себе ровное место.

Туман так густ, что на два шага ничего не видать. На счастье, залаяла где-то неподалеку собака. По этому лаю вышли на деревню. В ней ночевала рота стройбата. Задержавшие нас часовые повели к командиру. Тот проверил документы, велел накормить, устроить на ночлег.

Разбудили нас в десятом часу утра. Туман успел разойтись. Вместе с командиром роты — он захотел вблизи посмотреть боевую машину — двинулись к самолету. «Тройка» стояла на ровном заснеженном поле, окаймленном лесозащитными посадками. Свернули с дороги к ней — командир вцепился в рукав моей куртки:

— Стоять! Ни с места! — побледнев, крикнул он не своим голосом. — Вы же уселись на минное поле!

На посеревшем, просевшем от весеннего солнца снегу хорошо просматривались характерные круглые проталины. Мины! Самолетные лыжи прошли в некоторых местах между ними на расстоянии считанных сантиметров. Каким-то совершенно невероятным образом ни широченные основные лыжины, ни короткий хвостовой лыжонок [74] не зацепили ни одной мины. Четкие следы наших унтов тянулись от самолета, петляя от одного смертоносного бугорка до другого и даже иногда касаясь их...

В какие правила и законы природы надо было нам со штурманом уложить и предательский туман, и слепую — абсолютно наугад — посадку, и пробег самолета по минному полю, и наш переход к деревне в святом неведении о гремучей смерти под ногами? Все-таки не самой ли судьбой (может, именно так и следует назвать клубок тех сохранивших нам жизнь счастливых совпадений) было суждено нам остаться невредимыми на том проклятом месте?

Всем смертям назло

Со мной случилась беда. Точнее, с моей машиной, но это, в сущности, одно и то же. «Тройку» забила тряска такой неистовой силы, что с трудом удавалось удерживать

ручку управления. Ноги были готовы соскользнуть с педалей, и только предохранительные ремешки помогали удерживать их на месте. Приборная доска приобрела совершенно размытую форму, дергаясь во все стороны. Стрелки и циферблаты слились в сплошной мерцающий ореол, и прочесть их показания было невозможно! Меня жестко подбрасывало, голову мотало по сторонам, зубы стучали, словно в ознобе.

По всем наставлениям и инструкциям требовалось немедленно прекратить полет, но об этом не могло быть и речи: мы находились далеко за линией фронта, над занятым фашистами Белградом.

Мы ходили туда на разведку. Осенняя погода не баловала. Большую часть пути шли под облаками, под непрерывным холодным дождем, при сильных ветрах и свирепой болтанке. А когда оказались над Белградом, нас цепко схватили прожекторы. Вокруг «тройки» сверкали разрывы, цветные трассы «автоматок» хлестали черное небо, прошитое светлыми строчками прожекторных лучей. Внизу в отсветах лучей и при вспышках оружейных выстрелов проявлялись дома, улицы. Но это только [75] на мгновение, когда взгляд успевал скользнуть по земле, отрываясь от бушующего вокруг огневого шквала.

Мы хорошо вышли на город, незамеченными. Минут за пять до выхода на цель я сбавил обороты мотора и почти бесшумно, со снижением повел машину. Вывалились из облаков. Внизу просматривались то короткие синеватые снопики света от автомобильных фар, то тусклый лучик карманного фонаря, то красная метелка искр из труб паровоза. Словом, мы вышли на цель — лучше не бывает. Продолжая снижаться, сделали заход на эшелоны и сбросили бомбы. Задание было выполнено.

Я надеялся уйти так же незаметно, как и прибыл сюда. Но...

Все новые вспыхивают передо мной прожекторы. Вначале удавалось увертываться. Но вот лизнул самолет один, потом другой луч, и вскоре со всех сторон ухватили слепящие щупальца. Оглушает окружающий грохот: снаряды рвутся, будто палкой по сухой доске бьют, цветные шарики «автоматок» лопаются, издавая свистящий звук разрываемой портянки.

Маневрируя, «тройка» то взметывалась вверх, то крутилась волчком в глубоких виражах, то почти отвесно падала в скольжении на крыло. Однако разрывы ближе и ближе сотрясали самолет ударными волнами, «автоматки» все плотнее сжимали кольцо огня.

Потерян счет времени. Сколько минут, а может быть, и часов длился этот кошмар, я не знал. Во всем мире остались для меня только бешено крутящийся самолет и полыхающее заревом небо в узорах цветных шариков да рваных звездочках разрывов.

Мелькали в памяти обрывки прежних боев, встала перед глазами недавняя гибель моего друга Жоры Васильева над Галацем. Его вот так же держали прожекторы и так же яростно били по нему зенитки. Уж какой великий мастер пилотажа был Жора, а вырваться не смог. А сейчас и прожекторов больше, и обстрел плотнее... Мозг все чаще пронизывает мысль о бесполезности продолжения боя. Я устал. Силы мои на исходе.

В этот момент, один из труднейших в моей жизни, сзади раздался возглас:

— Молодец, командир! Отходи к периферии!

Зарычал короткими очередями штурманский пулемет, и на земле потухли, один за другим несколько прожекторов.

Стрельба и особенно ободряющий голос боевого напарника [76] встряхнули меня. Прошло оцепенение страхом. Возвращался азарт схватки. Исчезла усталость, тело вновь налилось силой, и я уже не думал о гибели, хотя и не заглядывал в будущее дальше, чем на несколько бесконечных секунд вперед.

Все происходящее стало видеться мне, как в замедленной киносъемке. Вот трасса голубых и красных шариков медленно-медленно приближается к моему крылу. Самолет так же неторопливо отворачивает в сторону, смертоносная трасса проходит мимо. Неспешно вспухают разрывы тяжелых снарядов. «Тройка» ходит от разрыва к разрыву, протыкая носом едкий дым взрывчатки, будто понимая, что в это место никогда уже не попадает ни один снаряд.

Отрешенно от происходящего чувствовал я себя. Спокойно, как мне казалось, обдумывал наше положение. В общем-то, ничего особенного не происходит. Постреляют-постреляют да и перестанут. Вон уже сколько высадили боеприпасов, и все без толку. Погасят прожекторы, и мы уйдем. Откуда-то появилась твердая надежда вырваться из огня — всем смертям назло...

Руки сами собой управляли машиной, бешено закручивая ее в дикой свистопляске игры со смертью. Но проделывал это будто не я, а некто посторонний. Такое состояние бывает у бегунов на большие дистанции, когда появляется «второе дыхание». У меня появилась масса свободного времени. На борту остались две осветительные бомбы «САБ-25», и я сбросил одну из них. Хорошо стали видны разлившийся пожар на привокзальных путях, развалины улиц, разбросанные по ним вспышки стрельбы зениток, прожекторы.

Сверкая лаком крыльев, «тройка» продолжала метаться. Мотор то надрывался в форсажном режиме, то замолкал вовсе. Я ухитрился-таки оттянуться к периферии обороны. Еще немного, и я должен выйти из-под обстрела. И вот тут-то с моей машиной и случилась беда. Впереди справа, чуть ниже мотора, сверкнул разрыв. Нас встряхнуло воздушной волной — и сильнейшая, как в ознобе, тряска охватила самолет.

К нам неотвратимо приближалась серия разрывов. Надо немедленно увеличить скорость! Дал форсаж. Машина рванулась и затряслась. Несколько секунд такого полета, и мотор оторвется к чертовой матери! Оставалось одно: быстро, как только можно, нырнуть к земле и там уйти в темноту. Разумеется, при условии, если до этого [77] не развалится от бешеной тряски моя «тройка» и немцы позволят безнаказанно снизиться до высоты бреющего полета.

Я завалил машину в крутое скольжение на крыло по спирали, снижаясь практически вертикально, а попросту говоря, падал, как камень. Этот маневр я мог бы применить и раньше, но приберегал его на самый-самый крайний случай. Номер этот, как говорится, смертельный, и выполнение его опаснее любого артиллерийского обстрела.

Но выбора у меня в тот момент не было.

Сбросили последний «САБ». Нужно хорошенько осветить землю, иначе можно вообще не успеть вывести машину в горизонтальный полет и трахнуть о камни. Все круче наклоняются сопровождающие меня прожекторы. Многим уже не хватает угла наклона — я ниже их, и они гаснут. При свете подвешенного на парашюте «САБа» на глаз определяю высоту — метров пятьдесят, не больше.

Я прижался к самой земле, к развалинам, и, не обращая внимания на тряску, увожу «тройку» за пределы Белграда в дождливую черноту югославской ночи.

Кажется, вырвались! Сбавил обороты до предела, слегка усмирив тряску. Стало возможным разглядеть показания приборов. В душе ширилась радость, и незаметно для себя я негромко запел:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки — крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор!

Вспомнился отец. Он любил этот авиамарш. Если бы мог он в эту ночь хоть краем глаза увидеть меня в бою! Хотя нет, лучше не надо. Не дай бог родителям видеть своего сына в таком положении!

Судя по времени, где-то поблизости должны быть горы. Понемногу набираю высоту. Летим в густой темноте. Усилился дождь. К тряске добавилась болтанка. Значит, действительно под нами хребты. Значит, нужно срочно набирать высоту: не лезть же на нелепую смерть от столкновения с горой после пережитого боя.

Ночь на исходе. Скоро рассвет. При нашей черепашьей скорости он встретит нас где-то над Венгерской равниной. За ней еще Румыния, Карпаты, и только там — линия фронта. Как же далеко до родного аэродрома!

Прекратился дождь, улучшилась видимость, в облаках [78] появились просветы. Нет-нет да и проглянет с безмерной высоты звездочка, мелькнет голубым светом и погаснет, закрытая черным брюхом мокрого облака. Затем просветы замелькали чаще, звезд высыпало все больше — погода явно шла на улучшение. Но это не радует. Небо на востоке светлеет.

— Рассвет, командир. Что будем делать?

— Лететь будем.

В голосе штурмана озабоченность. Наш Р-5 вовсе не приспособлен для дневного боя с истребителями, а их в этих местах полным-полно. Придется ловчить: пойду по оврагам, прижмусь к земле, поползу по руслам ручьев и речек, по опушкам лесов.

Горизонт справа разгорался малиновым заревом. Облака на востоке — будто алые паруса гриновского корабля, поднятые до самого неба. А «тройку» трясет и трясет. Иду на предельно малых оборотах, лишь бы держаться в воздухе.

И вдруг голос штурмана:

— Командир, нас догоняет самолет!

Только этого нам не хватало! Обернулся: короткий узкий капот мотора, длинные неубирающиеся шасси, верхнее расположение крыла, большая, сплошь застекленная кабина. Да это же «аист» — связной самолет немецких ВВС!

«Аист» подошел вплотную. Крыло в крыло. Пилот, открыв форточку, смотрел на нас с удивлением, мол, что это за ископаемое такое? Он или не рассмотрел звезды на наших крыльях, или вообще не предполагал увидеть в своем глубоком тылу советский самолет незнакомой конструкции, ползущий со скоростью сто километров в час.

— Бей, штурман, — негромко выдохнул я в переговорное устройство.

«Аист» рухнул, разрезанный наискосок длинной очередью пулемета. Теперь, как говорят на Руси, дай бог ноги! Хорошо, если пилот этой «птицы» не успел вызвать истребителей, но если успел, то никакое «второе дыхание» нам не поможет. Нырять в распадки хребтов, иду по каким-то безымянным ручьям, по сухим ущельям. На восток, домой, скорее домой.

— Молодец, штурман.

— Спасибо, командир!

Истекал шестой час полета. Расход бензина на этом режиме ничтожен. Запас горючего позволит лететь еще много часов. Вот позволит ли день? До передовой более [79] трехсот километров, к тому же сам перелет линии фронта для нас опаснее всего пройденного пути. Но деваться некуда, надо лететь. Под нами чужая земля, под нами враги.

Дома нас, наверное, потеряли. Волнуются: прошли сроки возвращения. Иваныч извелся поди на пустой стоянке, высадив полкисета крепчайшего самосада. Казнится за какое-нибудь несуществующее упущение при подготовке машины. Нет, стартех здесь ни при чем, «тройка» работает, как часы, и не его вина, что вражеский снаряд повредил нам винт.

Карпаты. Дикая, первозданная красота. На много километров вокруг ни единого селения, ни дымка пастушьего костра — только голые обвалы скал, пропасти, ущелья с блестящими глубоко внизу ручьями и парящие над вершинами коршуны. Сильная болтанка. С трудом удается удерживать самолет в воздухе. Пройден наконец перевал. Впереди — линия фронта. По-прежнему, как назло, солнце высоко, небо чистое, видимость отличная. Вся надежда на то, что немцы ожидают появления русских самолетов откуда угодно, только не со стороны своего тыла.

На земле идет бой. Видна артиллерийская перестрелка, разрывы снарядов на той и другой стороне. Будь у нас бомбы, ударить бы по вражеской батарее... Я прижал машину к земле. Засуетились, заметив нас, солдаты возле пушек — штурман, не растерявшись, выпустил несколько коротких очередей по артиллеристам. Даю форсаж мотору и, не обращая внимания на дикую тряску, перескакиваю Днестр.

Все. Дома. У себя. До аэродрома осталось километров пятьдесят, не больше, а наш несколько затянувшийся ночной полет к Белграду стал уже историей, еще одним эпизодом прожитой на войне жизни...